

Экземпляр, который вы держите в руках, может быть напечатан в анархистской типографии, офисе какой-нибудь тур-фирмы, у кого-то дома или на сквоту. Мы будем рады, если вы распечатаете несколько штук и распространите среди друзей, отнесёте в ближайший книжный магазин или раздадите на очередном пикете.

Также хотелось бы напомнить, что на производство бумаги, красок и оборудования затрачивается огромное кол-во природных ресурсов и человеческого труда. И чем бережней выбудете относиться к вещам - тем будет лучше для всех.

Мы желаем вам удачи в акциях прямого действия, проведении митингов, раздаче еды нуждающимся и прочих хороших делах. Независимо от того, какую тактику вы выбрали в борьбе с властью и капиталом за лучшее будущее - мы всей душой с вами.

<http://goodbooks.noblogs.org>

- 48 -

Экземпляр, который вы держите в руках, может быть напечатан в анархистской типографии, офисе какой-нибудь тур-фирмы, у кого-то дома или на сквоту. Мы будем рады, если вы распечатаете несколько штук и распространите среди друзей, отнесёте в ближайший книжный магазин или раздадите на очередном пикете.

Также хотелось бы напомнить, что на производство бумаги, красок и оборудования затрачивается огромное кол-во природных ресурсов и человеческого труда. И чем бережней выбудете относиться к вещам - тем будет лучше для всех.

Мы желаем вам удачи в акциях прямого действия, проведении митингов, раздаче еды нуждающимся и прочих хороших делах. Независимо от того, какую тактику вы выбрали в борьбе с властью и капиталом за лучшее будущее - мы всей душой с вами.

<http://goodbooks.noblogs.org>

- 48 -

МАКС НЕТТЛАУ

АНАРХИЗМ И БОЛЬШЕВИЗМ

***

**ЧТО ДОЛЖНЫ ДЕЛАТЬ АНАРХИСТЫ
В СЛУЧАЕ ВОЙНЫ**

Все что вы читаете, может быть
использовано против вас.

АВТОНОМНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
2012Г

МАКС НЕТТЛАУ

АНАРХИЗМ И БОЛЬШЕВИЗМ

***

**ЧТО ДОЛЖНЫ ДЕЛАТЬ АНАРХИСТЫ
В СЛУЧАЕ ВОЙНЫ**

Все что вы читаете, может быть
использовано против вас.

АВТОНОМНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
2012Г

Содержание:

Анархизм и большевизм.....3

Что должны делать анархисты в случае войны....19

имеем, таким образом, широкое понимание обоих интересов, которое приведет к пополнению наших рядов новыми людьми. Для нас, анархистов, существенно важно не упускать эту проблему из виду. Мир, свобода, солидарность, грядущая анархия так же неразрывно связаны между собой, как война, власть, себялюбие и грядущий всеобщий гнет и разрушение. Неужели так трудно выбрать правильный путь?

1931г

Тираж: чем больше, - тем лучше

Типография: где подешевле

Бумага: на которой придётся

- 2 -

- 47 -

Содержание:

Анархизм и большевизм.....3

Что должны делать анархисты в случае войны....19

имеем, таким образом, широкое понимание обоих интересов, которое приведет к пополнению наших рядов новыми людьми. Для нас, анархистов, существенно важно не упускать эту проблему из виду. Мир, свобода, солидарность, грядущая анархия так же неразрывно связаны между собой, как война, власть, себялюбие и грядущий всеобщий гнет и разрушение. Неужели так трудно выбрать правильный путь?

1931г

Тираж: чем больше, - тем лучше

Типография: где подешевле

Бумага: на которой придётся

- 2 -

- 47 -

Но такие войны перестали происходить после американской и французской революций, продолжением которых были национальные войны в духе Гарибальди. Это время прошло. Множество вооруженных наций управляют теперь безоружными нациями, которые могут только восставать, но не могут более вести правильную войну. Нет необходимости объяснять, на чью сторону станут анархисты в случае восстания. Настоящие войны между одинаково вооруженными государствами возможны теперь только для целей грабежа и притеснения, а это не может вызвать ни малейшего сочувствия у гуманистов и анархистов. Таким образом, то положение, которое создалось в 1914 году и вызвало колебания у некоторых анархистов, уже не может более возникнуть, и весь вопрос, благодаря этому, сильно упростился.

Но враги, то есть, все те, кто заинтересован в войне и желает нажиться на ней, пускают в ход все средства, чтобы затемнить эти ясные вопросы. Нас все еще немного и перед каждым из нас — огромная агитационная задача. Без сомнения, необходимо действовать, но для того, чтобы быть плодотворным, это действие должно быть основано на знании и интеллектуальной мощи. В содействии этому и состоит наша великая работа. В пробудившейся Испании мы видим, как много может быть сделано путем согласования усилий разных групп. Ясное понимание вопроса о войне приводит к анархизму — и обратно. Здесь мы

- 46 -

АНАРХИЗМ И БОЛЬШЕВИЗМ

- 3 -

Но такие войны перестали происходить после американской и французской революций, продолжением которых были национальные войны в духе Гарибальди. Это время прошло. Множество вооруженных наций управляют теперь безоружными нациями, которые могут только восставать, но не могут более вести правильную войну. Нет необходимости объяснять, на чью сторону станут анархисты в случае восстания. Настоящие войны между одинаково вооруженными государствами возможны теперь только для целей грабежа и притеснения, а это не может вызвать ни малейшего сочувствия у гуманистов и анархистов. Таким образом, то положение, которое создалось в 1914 году и вызвало колебания у некоторых анархистов, уже не может более возникнуть, и весь вопрос, благодаря этому, сильно упростился.

Но враги, то есть, все те, кто заинтересован в войне и желает нажиться на ней, пускают в ход все средства, чтобы затемнить эти ясные вопросы. Нас все еще немного и перед каждым из нас — огромная агитационная задача. Без сомнения, необходимо действовать, но для того, чтобы быть плодотворным, это действие должно быть основано на знании и интеллектуальной мощи. В содействии этому и состоит наша великая работа. В пробудившейся Испании мы видим, как много может быть сделано путем согласования усилий разных групп. Ясное понимание вопроса о войне приводит к анархизму — и обратно. Здесь мы

- 46 -

АНАРХИЗМ И БОЛЬШЕВИЗМ

- 3 -

Настоящей интеллектуальной катастрофой и моральной трагедией является то обстоятельство, что, после целого столетия углубленного исследования процесса эволюции и направления человеческого прогресса, первые же возможности социалистических движений в крупном масштабе, созданные крушением царизма в 1917 году, были загублены. Они были принесены в жертву на алтаре всего, что стремится назад, упрочивая власть, воздвигая стены и плотины против эволюции и принося человечество еще раз в жертву молоху единой догмы и касте первосвященников, присягнувших этой догме. Это было сделано большевистской узурпацией и монополий в ноябре 1917 года.

Узурпация и монополия с тех пор все росли, фатально укрепляясь и обособляясь в той степени, в какой они пытались стать на пути эволюции и добиваться только своего собственного увековечения. Чтобы совершить это в нынешнем веке, узурпация вынуждена внешним образом подражать формам прогресса, техническим усовершенствованиям и социальному устройству, но это уже не признание прогресса, как монархия или церковь не становятся просвещенными и прогрессивными, когда дворцы и церкви освещаются электричеством, или декорируются современными художниками. Все морально гибнет под рукою реакции, которая захватывает целиком душу, и тело человека в свою власть и формирует их по своему усмотрению. Именно это,

- 4 -

Настоящей интеллектуальной катастрофой и моральной трагедией является то обстоятельство, что, после целого столетия углубленного исследования процесса эволюции и направления человеческого прогресса, первые же возможности социалистических движений в крупном масштабе, созданные крушением царизма в 1917 году, были загублены. Они были принесены в жертву на алтаре всего, что стремится назад, упрочивая власть, воздвигая стены и плотины против эволюции и принося человечество еще раз в жертву молоху единой догмы и касте первосвященников, присягнувших этой догме. Это было сделано большевистской узурпацией и монополий в ноябре 1917 года.

Узурпация и монополия с тех пор все росли, фатально укрепляясь и обособляясь в той степени, в какой они пытались стать на пути эволюции и добиваться только своего собственного увековечения. Чтобы совершить это в нынешнем веке, узурпация вынуждена внешним образом подражать формам прогресса, техническим усовершенствованиям и социальному устройству, но это уже не признание прогресса, как монархия или церковь не становятся просвещенными и прогрессивными, когда дворцы и церкви освещаются электричеством, или декорируются современными художниками. Все морально гибнет под рукою реакции, которая захватывает целиком душу, и тело человека в свою власть и формирует их по своему усмотрению. Именно это,

- 4 -

Мы становимся на сторону человечества, которое шире, старше, бесконечно благороднее, чем все государства, которые, исторически говоря, являются временными надстройками, весьма сомнительной ценности и, без сомнения, не очень значительной прочности. Человечество будет жить и после того, как государства исчезнут, его полная и настоящая жизнь станет разворачиваться только тогда, когда людей перестанут отделять друг от друга искусственные преграды, подобно тому, как в зверинцах старого типа зверей разделяют железными перегородками клеток.

Никто не имеет права возбуждать одних людей против других для целей взаимного истребления. Если надменность и жестокость древнего Рима заставляли пленников убивать друг друга, выступая гладиаторами в цирке для забавы императора и народа, то ведь это зрелище давно отжило свое время, — хотя многие виды современного спорта сильно напоминают его. Войны тоже будут казаться нам коллективным преступным безумием уже в ближайшем будущем. Они казались бы такими уже и сейчас и гораздо более широким кругам, чем довоенные гуманисты и нынешние анархисты, если бы, как я пытался объяснить это выше, не обманчивые фразы: «революционные войны», «войны за независимость», «демократические войны». Эти фразы обольщают даже социалистов и некоторых анархистов.

- 45 -

Мы становимся на сторону человечества, которое шире, старше, бесконечно благороднее, чем все государства, которые, исторически говоря, являются временными надстройками, весьма сомнительной ценности и, без сомнения, не очень значительной прочности. Человечество будет жить и после того, как государства исчезнут, его полная и настоящая жизнь станет разворачиваться только тогда, когда людей перестанут отделять друг от друга искусственные преграды, подобно тому, как в зверинцах старого типа зверей разделяют железными перегородками клеток.

Никто не имеет права возбуждать одних людей против других для целей взаимного истребления. Если надменность и жестокость древнего Рима заставляли пленников убивать друг друга, выступая гладиаторами в цирке для забавы императора и народа, то ведь это зрелище давно отжило свое время, — хотя многие виды современного спорта сильно напоминают его. Войны тоже будут казаться нам коллективным преступным безумием уже в ближайшем будущем. Они казались бы такими уже и сейчас и гораздо более широким кругам, чем довоенные гуманисты и нынешние анархисты, если бы, как я пытался объяснить это выше, не обманчивые фразы: «революционные войны», «войны за независимость», «демократические войны». Эти фразы обольщают даже социалистов и некоторых анархистов.

- 45 -

интересов своих эксплуататоров и в изготовлении оружия, в выделке ядов и взрывчатых веществ для уничтожения целых народов. Чудовищность того, что им приказывают делать, заставит их увидеть преступность современного государства, которое уже больше не является общественно-полезным учреждением, каким оно претендует быть, а просто самым антиобщественным учреждением, какое только можно себе представить. Увидев это, бунтари станут отделяться от этого антисоциального организма и станут решать свои дела по взаимному соглашению, миролюбиво и доброжелательно.

Это показывает, что к данному вопросу можно и нужно подходить с разных сторон, и что для анархистов возможна только одна позиция по отношению к войне, — безусловная вражда к ней, воздержание от нее, борьба с ней и непрерывное противодействие всему, что ведет к ней. Мы стоим в стороне от государства, не стремясь быть избирателями, не желая быть политиками и участвовать в выборах. Мы не жаждем быть у власти и не хотим быть орудием власти, какого бы рода она ни была. Мы не поддерживаем государства интеллектуально, не возносим ему хвалу, как это делают раболепствующие писатели и ораторы. Мы стоим вдали от государственной деятельности. Как же можем — мы отречься от этой борьбы и этой позиции, ставши на сторону государства во время войны?

- 44 -

интересов своих эксплуататоров и в изготовлении оружия, в выделке ядов и взрывчатых веществ для уничтожения целых народов. Чудовищность того, что им приказывают делать, заставит их увидеть преступность современного государства, которое уже больше не является общественно-полезным учреждением, каким оно претендует быть, а просто самым антиобщественным учреждением, какое только можно себе представить. Увидев это, бунтари станут отделяться от этого антисоциального организма и станут решать свои дела по взаимному соглашению, миролюбиво и доброжелательно.

Это показывает, что к данному вопросу можно и нужно подходить с разных сторон, и что для анархистов возможна только одна позиция по отношению к войне, — безусловная вражда к ней, воздержание от нее, борьба с ней и непрерывное противодействие всему, что ведет к ней. Мы стоим в стороне от государства, не стремясь быть избирателями, не желая быть политиками и участвовать в выборах. Мы не жаждем быть у власти и не хотим быть орудием власти, какого бы рода она ни была. Мы не поддерживаем государства интеллектуально, не возносим ему хвалу, как это делают раболепствующие писатели и ораторы. Мы стоим вдали от государственной деятельности. Как же можем — мы отречься от этой борьбы и этой позиции, ставши на сторону государства во время войны?

- 44 -

судя по всему, что я знаю, проделывают с русским народом с конца 1917 года, как это делают и с итальянским народом с 1922 года и с другими народами в других формах с тех же пор.

Это пластическое переделывание мысли и природы народов догматическими деспотами является преступлением против духа человечности. Человечество, со второй половины XVIII века, переросло эту стадию, — оно боролось и бунтовало против нее, будило разум, все более возмущалось и проявляло свой гнев повсеместными революционными вспышками, выражало свое возмущение в мысли и в науке, во всех формах либерализма и социализма на протяжении столетия. Человечество не желает идти назад в интеллектуальную и моральную опустошенность и грубость средневековья.

Все это необходимо объяснить исторически, как примитивное несовершенство первых коллективных практических шагов к социализму, сделанных при самых неблагоприятных условиях, после целых годов раздражающей, огрубляющей и мучительной войны. Мы должны допустить, что в 1917 и 1918 годах ни меньшевики, ни социалисты-революционеры, ни синдикалисты и ни одно из направлений анархической мысли не отличались особо высокими качествами, ни в своих практических достижениях, ни в своей моральной способности приносить партийные интересы в жертву общему делу.

- 5 -

судя по всему, что я знаю, проделывают с русским народом с конца 1917 года, как это делают и с итальянским народом с 1922 года и с другими народами в других формах с тех же пор.

Это пластическое переделывание мысли и природы народов догматическими деспотами является преступлением против духа человечности. Человечество, со второй половины XVIII века, переросло эту стадию, — оно боролось и бунтовало против нее, будило разум, все более возмущалось и проявляло свой гнев повсеместными революционными вспышками, выражало свое возмущение в мысли и в науке, во всех формах либерализма и социализма на протяжении столетия. Человечество не желает идти назад в интеллектуальную и моральную опустошенность и грубость средневековья.

Все это необходимо объяснить исторически, как примитивное несовершенство первых коллективных практических шагов к социализму, сделанных при самых неблагоприятных условиях, после целых годов раздражающей, огрубляющей и мучительной войны. Мы должны допустить, что в 1917 и 1918 годах ни меньшевики, ни социалисты-революционеры, ни синдикалисты и ни одно из направлений анархической мысли не отличались особо высокими качествами, ни в своих практических достижениях, ни в своей моральной способности приносить партийные интересы в жертву общему делу.

- 5 -

Допустим все это в интересах дальнейшего обсуждения вопроса. Чем больше было необходимости в дружественном сотрудничестве всех прогрессивных сил, тем более индивидуальная догма, самоутверждение, заинтересованность и партийная гордость, или тщеславие должны были отходить в сторону. На самом деле сделано было как раз обратное и то же самое продолжает делаться и теперь. В результате получается застой и разложение, которые в настоящее время лишают человечество сотрудничества целых народов, больших и малых, заключенных в тюрьмы и содержащихся за решетками или за колючей проволокой границ большевистских, фашистских и национал-диктаторских государств. Другие народы содержатся в настоящих домах смерти, под гнетом финансового разорения и обнищания, духовного и телесного голода и отчаянья. Лишь очень немногие народы ведут относительно нормальную жизнь, но и они потрясены поразительным ростом кризиса в течение 1931 года, и им также не под силу нести тяжесть современной цивилизованной жизни, чрезвычайно сложного организма, зависящего от сотрудничества очень значительного числа сил, из которых многие теперь парализованы, дезорганизованы или даже и вовсе уничтожены. Столько подпорок вынули или пытаются вынуть, что крушение, которое может при таких условиях наступить, не только повторит, но усилит и ухудшит те

- 6 -

Допустим все это в интересах дальнейшего обсуждения вопроса. Чем больше было необходимости в дружественном сотрудничестве всех прогрессивных сил, тем более индивидуальная догма, самоутверждение, заинтересованность и партийная гордость, или тщеславие должны были отходить в сторону. На самом деле сделано было как раз обратное и то же самое продолжает делаться и теперь. В результате получается застой и разложение, которые в настоящее время лишают человечество сотрудничества целых народов, больших и малых, заключенных в тюрьмы и содержащихся за решетками или за колючей проволокой границ большевистских, фашистских и национал-диктаторских государств. Другие народы содержатся в настоящих домах смерти, под гнетом финансового разорения и обнищания, духовного и телесного голода и отчаянья. Лишь очень немногие народы ведут относительно нормальную жизнь, но и они потрясены поразительным ростом кризиса в течение 1931 года, и им также не под силу нести тяжесть современной цивилизованной жизни, чрезвычайно сложного организма, зависящего от сотрудничества очень значительного числа сил, из которых многие теперь парализованы, дезорганизованы или даже и вовсе уничтожены. Столько подпорок вынули или пытаются вынуть, что крушение, которое может при таких условиях наступить, не только повторит, но усилит и ухудшит те

- 6 -

людях. Так, например, убежденный анархист неизбежно будет антимилитаристом, другом мира, безусловным врагом войны.

Можно также объяснять каждую идею особо, доказывать ее, и тогда, исходя от этих идей, логично мыслящий человек приходит к целому, часть которого составляет каждая из этих особых идей. Тогда человек, который видит ужасы войны и милитаризма, приходит к тому, что делает войну неизбежной: государства, которые всегда бывают, эгоистичны и всегда соперничают друг с другом. Он видит, что только уничтожение государства может обеспечить мир, а это уничтожение государств означает анархизм.

Иногда идею доказывает человек, применяющий ее на деле. Наблюдая это, люди приходят к пониманию совокупности относящихся сюда идей. Таким образом, когда лучшие из людей часто отказываются от военной службы, отказываются убивать других людей по приказу свыше, когда они становятся мучениками во имя этого, тогда люди понимают, на каких высоких принципах основан этот поступок и видят весь механизм организованного себялюбия и жестокости, понимают роль государства и начинают понимать анархизм.

Или, наконец, люди становятся на правильный путь в качестве сознательных или пока еще не сознательных бунтовщиков. Они отказываются участвовать в организованном убийстве, в отравлении людей по приказу власти, в защите

- 43 -

людях. Так, например, убежденный анархист неизбежно будет антимилитаристом, другом мира, безусловным врагом войны.

Можно также объяснять каждую идею особо, доказывать ее, и тогда, исходя от этих идей, логично мыслящий человек приходит к целому, часть которого составляет каждая из этих особых идей. Тогда человек, который видит ужасы войны и милитаризма, приходит к тому, что делает войну неизбежной: государства, которые всегда бывают, эгоистичны и всегда соперничают друг с другом. Он видит, что только уничтожение государства может обеспечить мир, а это уничтожение государств означает анархизм.

Иногда идею доказывает человек, применяющий ее на деле. Наблюдая это, люди приходят к пониманию совокупности относящихся сюда идей. Таким образом, когда лучшие из людей часто отказываются от военной службы, отказываются убивать других людей по приказу свыше, когда они становятся мучениками во имя этого, тогда люди понимают, на каких высоких принципах основан этот поступок и видят весь механизм организованного себялюбия и жестокости, понимают роль государства и начинают понимать анархизм.

Или, наконец, люди становятся на правильный путь в качестве сознательных или пока еще не сознательных бунтовщиков. Они отказываются участвовать в организованном убийстве, в отравлении людей по приказу власти, в защите

- 43 -

города предавались грабежу, центры знания разрушались, а население было бедно и редко.

Таким образом, война в нынешний век химии неизбежно будет отличаться от того, чем она была еще при нынешнем поколении. Многие из нас еще помнят героического Гарибальди, умершего в 1882 году, и те же люди дожили до дней, когда отравитель становится героем войн, приготовления для которых делаются теперь более интенсивно и с большими расходами, чем когда бы то ни было раньше, при всеобщем народном безразличии и еще большем равнодушии, чем раньше.

Народы, а также некоторые из наших товарищей, приняли участие в войне 1914 года в убеждении, что это будет геройская война в духе Гарибальди. Они жестоко ошиблись. Война очень скоро оказалась безобразной, томительной, механической войной. Они привыкли к этому с течением времени, и теперь воображают, что будущая война будет подобна минувшей войне, будет такой же изнурительной войной в траншеях, прерываемой лишь несколькими геройскими атаками. Неужели они вечно будут позволять себя дурачить? Разве может анархист колебаться в вопросе о том, что делать в подобном случае?

Прогрессивные идеи распространяются разными путями. Можно изложить людям целый ряд идей и убедить их в истинности всей совокупности этих идей. Тогда отдельные идеи неизбежно и самопроизвольно зарождаются в

- 42 -

города предавались грабежу, центры знания разрушались, а население было бедно и редко.

Таким образом, война в нынешний век химии неизбежно будет отличаться от того, чем она была еще при нынешнем поколении. Многие из нас еще помнят героического Гарибальди, умершего в 1882 году, и те же люди дожили до дней, когда отравитель становится героем войн, приготовления для которых делаются теперь более интенсивно и с большими расходами, чем когда бы то ни было раньше, при всеобщем народном безразличии и еще большем равнодушии, чем раньше.

Народы, а также некоторые из наших товарищей, приняли участие в войне 1914 года в убеждении, что это будет геройская война в духе Гарибальди. Они жестоко ошиблись. Война очень скоро оказалась безобразной, томительной, механической войной. Они привыкли к этому с течением времени, и теперь воображают, что будущая война будет подобна минувшей войне, будет такой же изнурительной войной в траншеях, прерываемой лишь несколькими геройскими атаками. Неужели они вечно будут позволять себя дурачить? Разве может анархист колебаться в вопросе о том, что делать в подобном случае?

Прогрессивные идеи распространяются разными путями. Можно изложить людям целый ряд идей и убедить их в истинности всей совокупности этих идей. Тогда отдельные идеи неизбежно и самопроизвольно зарождаются в

- 42 -

неблагоприятные условия, которые в 1917 году оставили так мало шансов на благоприятный исход Великой Русской Революции.

Есть люди, которые уверяют, что защита большевистской революции требовала и до сих пор еще требует безусловного подавления всего, что не есть большевистские мысль, действие или, по крайней мере, слепое подчинение им. И есть много сочувствующих, которые этому верят, и тем больше верят, чем дольше они живут. Все это только временно, говорят нам эти люди, и указывают на то, что несколько поколений тому назад Маркс, а позднее также и Ленин признавали безгосударственное управление, свободное общество, анархию, как последнюю и окончательную стадию развития — совершенно так же, как самый богатый капиталист-христианин всегда готов признать, что после чистилища люди войдут в Царствие Небесное, где не будет ни богатых, ни бедных, а все будут равны, свободны и счастливы. А пока что, «временная» стадия должна быть продлена всеми способами, — а мы знаем, что означает «всеми способами», мы знаем также особую жизнеспособность общественного устройства, именуемого «временным» или «переходным». Так как такие промежуточные формы весьма несовершенны, стеснительны, невыносимы, то их поддерживают силой, путем все более растущего принуждения, со все большими расходами, и все это противоестественное, искусственное

- 7 -

неблагоприятные условия, которые в 1917 году оставили так мало шансов на благоприятный исход Великой Русской Революции.

Есть люди, которые уверяют, что защита большевистской революции требовала и до сих пор еще требует безусловного подавления всего, что не есть большевистские мысль, действие или, по крайней мере, слепое подчинение им. И есть много сочувствующих, которые этому верят, и тем больше верят, чем дольше они живут. Все это только временно, говорят нам эти люди, и указывают на то, что несколько поколений тому назад Маркс, а позднее также и Ленин признавали безгосударственное управление, свободное общество, анархию, как последнюю и окончательную стадию развития — совершенно так же, как самый богатый капиталист-христианин всегда готов признать, что после чистилища люди войдут в Царствие Небесное, где не будет ни богатых, ни бедных, а все будут равны, свободны и счастливы. А пока что, «временная» стадия должна быть продлена всеми способами, — а мы знаем, что означает «всеми способами», мы знаем также особую жизнеспособность общественного устройства, именуемого «временным» или «переходным». Так как такие промежуточные формы весьма несовершенны, стеснительны, невыносимы, то их поддерживают силой, путем все более растущего принуждения, со все большими расходами, и все это противоестественное, искусственное

- 7 -

положение вещей становится еще более невыносимым и требует еще более искусственных подпорок, путем силы и крупных издержек и т.д. — от плохого к худшему до тех пор, пока перегретый паровой котел не разрывается. Тогда происходит разрушительное крушение. Все это присуще так называемым «временным мерам», полумерам, которые по самой природе своей не могут быть вполне действенны и, следовательно, должны вести к кризису. Они не могут вести к здоровой и прогрессивной эволюции, ибо отрицательные усилия может вести механически и неизбежно только к отрицательному эффекту, и весь организм не может жить надлежащим образом при длительном отсутствии поддержки.

Таким образом, большевизм, совершенно независимо от его внутренних качеств, обанкротился в качестве двигателя прогресса, и потерпит банкротство и как живая система, хотя его все еще поддерживает тот естественный закон, который делает невозможным для маленькой силы, для воли догматического меньшинства, контроль и управление жизнью гораздо большей силы — всего русского народа.

Наихудшие правительства ухитрились, правда, существовать путем репрессий, лести, внешних войн и т. д., прогрессивные силы всегда стремились к свержению таких правительств и очень часто в этом преуспевали, — и большевизм поставил себя как раз в такое же положение: напрягая каждый нерв, он ухитряется

- 8 -

положение вещей становится еще более невыносимым и требует еще более искусственных подпорок, путем силы и крупных издержек и т.д. — от плохого к худшему до тех пор, пока перегретый паровой котел не разрывается. Тогда происходит разрушительное крушение. Все это присуще так называемым «временным мерам», полумерам, которые по самой природе своей не могут быть вполне действенны и, следовательно, должны вести к кризису. Они не могут вести к здоровой и прогрессивной эволюции, ибо отрицательные усилия может вести механически и неизбежно только к отрицательному эффекту, и весь организм не может жить надлежащим образом при длительном отсутствии поддержки.

Таким образом, большевизм, совершенно независимо от его внутренних качеств, обанкротился в качестве двигателя прогресса, и потерпит банкротство и как живая система, хотя его все еще поддерживает тот естественный закон, который делает невозможным для маленькой силы, для воли догматического меньшинства, контроль и управление жизнью гораздо большей силы — всего русского народа.

Наихудшие правительства ухитрились, правда, существовать путем репрессий, лести, внешних войн и т. д., прогрессивные силы всегда стремились к свержению таких правительств и очень часто в этом преуспевали, — и большевизм поставил себя как раз в такое же положение: напрягая каждый нерв, он ухитряется

- 8 -

Эти этапы отмечены такими людьми, как Вашингтон, Лафайет и первые генералы Французской Революции: Гош, Моро и другие, а позднее — Гарибальди. Но в 1914–1918 годах война велась бездушными техниками-генералами, стоявшими во главе генеральных штабов. Это были техники заведовавшие войной.

В грядущих войнах, которые будут вестись с помощью ядовитых газов и массового истребления населения, характерными фигурами будут отравители, укрывшиеся в подземных лабораториях, и люди, с безопасного расстояния убивающие, калечащие и уничтожающие в огромном количестве мужчин, женщин и детей, с помощью продуктов современной и минувшей цивилизаций.

Грядущие войны уничтожат населенные центры старой социальной жизни, накопления культуры, искусства, воли, таланта и энергии. Оставшееся в живых население будет рассеяно по лесам и будет вытеснять население окраин с цивилизованного мира. Это означает, что прогресс будет уничтожен и что будущее ближайших поколений будет в руках наименее развитых элементов населения или в руках завоевателей, пришедших из менее цивилизованных стран. Все это означало бы уничтожение всех надежд на прогресс на неопределенный период. Человечество было бы отодвинуто в самые мрачные периоды начала средних веков, когда

- 41 -

Эти этапы отмечены такими людьми, как Вашингтон, Лафайет и первые генералы Французской Революции: Гош, Моро и другие, а позднее — Гарибальди. Но в 1914–1918 годах война велась бездушными техниками-генералами, стоявшими во главе генеральных штабов. Это были техники заведовавшие войной.

В грядущих войнах, которые будут вестись с помощью ядовитых газов и массового истребления населения, характерными фигурами будут отравители, укрывшиеся в подземных лабораториях, и люди, с безопасного расстояния убивающие, калечащие и уничтожающие в огромном количестве мужчин, женщин и детей, с помощью продуктов современной и минувшей цивилизаций.

Грядущие войны уничтожат населенные центры старой социальной жизни, накопления культуры, искусства, воли, таланта и энергии. Оставшееся в живых население будет рассеяно по лесам и будет вытеснять население окраин с цивилизованного мира. Это означает, что прогресс будет уничтожен и что будущее ближайших поколений будет в руках наименее развитых элементов населения или в руках завоевателей, пришедших из менее цивилизованных стран. Все это означало бы уничтожение всех надежд на прогресс на неопределенный период. Человечество было бы отодвинуто в самые мрачные периоды начала средних веков, когда

- 41 -

порабощению людей. Но нет прощения анархисту, или вообще какому бы, то, ни было человеческому существу, принимающему участие в подобных войнах на стороне сильного, наилучше вооруженного, имеющего шансы победить и поработить новые массы людей. Бакунин, Реклю, Кропоткин, какими они были во время войн 1870 и 1914 годов, должны быть оправданы в силу их личного характера, который не оставил им выбора. Они не знали ничего лучшего и хотели действовать, как можно лучше. Но не может быть прощения за участие в будущих войнах. Если участвовать в них будут анархисты, то этим они сами себя устранят из нашей среды: если они возведут свое преступление в теорию, то к ним можно отнестись только с презрением, если же они, молча, уйдут прочь, то забудем о них.

Мы живем в век быстро идущей жизни. Последние 150 лет видели развитие, перестройку, переоценку, возвышение и падение стольких идей и идейных течений. Отношение к войне также прошло через описанные здесь этапы: от войны династической до войны демократической, утверждающей национальное освобождение, идущей почти до международного восстания и, таким образом, завоевывающей сердца наиболее бескорыстных, романтических и смелых людей, придерживавшихся передовых революционных взглядов. С тех пор война, несправимое зло, снова спустилась до войны империалистической, до войны во славу честолюбивого национализма.

- 40 -

порабощению людей. Но нет прощения анархисту, или вообще какому бы, то, ни было человеческому существу, принимающему участие в подобных войнах на стороне сильного, наилучше вооруженного, имеющего шансы победить и поработить новые массы людей. Бакунин, Реклю, Кропоткин, какими они были во время войн 1870 и 1914 годов, должны быть оправданы в силу их личного характера, который не оставил им выбора. Они не знали ничего лучшего и хотели действовать, как можно лучше. Но не может быть прощения за участие в будущих войнах. Если участвовать в них будут анархисты, то этим они сами себя устранят из нашей среды: если они возведут свое преступление в теорию, то к ним можно отнестись только с презрением, если же они, молча, уйдут прочь, то забудем о них.

Мы живем в век быстро идущей жизни. Последние 150 лет видели развитие, перестройку, переоценку, возвышение и падение стольких идей и идейных течений. Отношение к войне также прошло через описанные здесь этапы: от войны династической до войны демократической, утверждающей национальное освобождение, идущей почти до международного восстания и, таким образом, завоевывающей сердца наиболее бескорыстных, романтических и смелых людей, придерживавшихся передовых революционных взглядов. С тех пор война, несправимое зло, снова спустилась до войны империалистической, до войны во славу честолюбивого национализма.

- 40 -

существовать, но в один прекрасный день он дрогнет и падет.

Будущее социализма не зависит от судьбы этой первой попытки, которая таким очевидным образом потерпела неудачу. Будущий великий художник пишет иногда, в детстве своем, неумелые наброски, но уже в этих первых набросках его можно иногда различить ту или иную особенность его будущих достижений. Никогда не бывает так, чтобы какая-нибудь школа художников развивалась, исходя из таких детских несовершенных рисунков, взятых за образец. Точно также нелепо было бы считать, что неизбежные несовершенства большевистского режима должны быть приняты за образцы, что эти образцы следует почитать, как неизменные, что им следует рабски подражать и стремиться пересадить их во все другие страны, как делают «коммунистические партии». Они делают не только это, они еще борются против всякой другой социалистической концепции во всех странах с тем же самым диким фанатизмом, с каким стоящие у власти большевики материально подавляют все другие течения внутри современной России.

Так поступали христиане в самые мрачные времена, сжигая еретиков, предавая мечу неверных и подчиняя всю Европу слепой покорности, удушая свободу и науку. Можно ли поэтому считать, что ни одна цивилизация ничего не стоит и что единственным образцом для всего

- 9 -

существовать, но в один прекрасный день он дрогнет и падет.

Будущее социализма не зависит от судьбы этой первой попытки, которая таким очевидным образом потерпела неудачу. Будущий великий художник пишет иногда, в детстве своем, неумелые наброски, но уже в этих первых набросках его можно иногда различить ту или иную особенность его будущих достижений. Никогда не бывает так, чтобы какая-нибудь школа художников развивалась, исходя из таких детских несовершенных рисунков, взятых за образец. Точно также нелепо было бы считать, что неизбежные несовершенства большевистского режима должны быть приняты за образцы, что эти образцы следует почитать, как неизменные, что им следует рабски подражать и стремиться пересадить их во все другие страны, как делают «коммунистические партии». Они делают не только это, они еще борются против всякой другой социалистической концепции во всех странах с тем же самым диким фанатизмом, с каким стоящие у власти большевики материально подавляют все другие течения внутри современной России.

Так поступали христиане в самые мрачные времена, сжигая еретиков, предавая мечу неверных и подчиняя всю Европу слепой покорности, удушая свободу и науку. Можно ли поэтому считать, что ни одна цивилизация ничего не стоит и что единственным образцом для всего

- 9 -

мира является примитивный организм нынешней русской экономической жизни, — механизм, который, судя по всему, что мы знаем, обеспечивает лишь скудную жизнь изо дня в день ценою подчинения суровой государственной власти с ее невиданной жестокостью.

Нет, человечество не так бедно и никогда таким убогим не будет. Уже в XIX веке оно достигло той ступени свободного интеллектуального сотрудничества во всем мире, которая не позволит силам фанатизма надолго остановить ход умственного развития. Мы, социалисты, со времени 1917 года на горьком опыте познали, что словесная война социалистических школ между собою в течение предыдущего столетия не закончилась каким-нибудь единым порывом к радостной солидарности в день действительной победы. Наоборот, полемика на бумаге почти всегда приводила к тому, что преобладавшая партия угрожала более слабой партии вооруженною силою и потом безжалостно подавляла ее силою физической. Большевики использовали своих противников и принудили их к молчанию, которое длится вот уже 14 лет. Мы думали, что Французская Революция, во времена которой одна партия за другой отправлялась своими бывшими членами на гильотину, должна была послужить примером, ибо это послужило только на пользу конечному торжеству диктатуры Бонапарта, для сокрушения которого понадобилось объединение большей половины

- 10 -

мира является примитивный организм нынешней русской экономической жизни, — механизм, который, судя по всему, что мы знаем, обеспечивает лишь скудную жизнь изо дня в день ценою подчинения суровой государственной власти с ее невиданной жестокостью.

Нет, человечество не так бедно и никогда таким убогим не будет. Уже в XIX веке оно достигло той ступени свободного интеллектуального сотрудничества во всем мире, которая не позволит силам фанатизма надолго остановить ход умственного развития. Мы, социалисты, со времени 1917 года на горьком опыте познали, что словесная война социалистических школ между собою в течение предыдущего столетия не закончилась каким-нибудь единым порывом к радостной солидарности в день действительной победы. Наоборот, полемика на бумаге почти всегда приводила к тому, что преобладавшая партия угрожала более слабой партии вооруженною силою и потом безжалостно подавляла ее силою физической. Большевики использовали своих противников и принудили их к молчанию, которое длится вот уже 14 лет. Мы думали, что Французская Революция, во времена которой одна партия за другой отправлялась своими бывшими членами на гильотину, должна была послужить примером, ибо это послужило только на пользу конечному торжеству диктатуры Бонапарта, для сокрушения которого понадобилось объединение большей половины

- 10 -

Яве и в большем количестве в Индии, и где Китай никогда не знает покоя. Жадность белой расы вызовет мировой бойкот против нее, и, быть может, разрушительные набеги в духе большевизма.

Я пишу об этих возможностях с сознанием, что только социальная революция может сделать их невозможными. Я хочу показать, что будущие войны уже никогда более не могут быть такими относительно безвредными, какими были войны периода 1776–1897 годов, когда проблемы независимости и освобождения делали большинство войн популярными, и когда граница между войнами и восстаниями была часто почти неуловима. В то время воевали только солдаты, оружие было примитивно по сравнению с нынешним, а личные права невоюющих в значительной степени соблюдались. Такие войны относятся к прошлому, а грядущие войны будут войнами на истребление с целью предотвратить восстания нынешних рабов. Это будут войны финансистов в поисках добычи, войны фашистов, страдающих манией убийства, войны для увековечения эксплуатации в других континентах, войны для уничтожения свободы там, где она развивается, для уничтожения социализма, для увековечения нынешнего страшного рабства.

Противодействовать таким преступлениям при всякой возможности должно быть личным делом каждого. Этим путем мы устранимся от участия в войне, мы сопротивляемся убийству и

- 39 -

Яве и в большем количестве в Индии, и где Китай никогда не знает покоя. Жадность белой расы вызовет мировой бойкот против нее, и, быть может, разрушительные набеги в духе большевизма.

Я пишу об этих возможностях с сознанием, что только социальная революция может сделать их невозможными. Я хочу показать, что будущие войны уже никогда более не могут быть такими относительно безвредными, какими были войны периода 1776–1897 годов, когда проблемы независимости и освобождения делали большинство войн популярными, и когда граница между войнами и восстаниями была часто почти неуловима. В то время воевали только солдаты, оружие было примитивно по сравнению с нынешним, а личные права невоюющих в значительной степени соблюдались. Такие войны относятся к прошлому, а грядущие войны будут войнами на истребление с целью предотвратить восстания нынешних рабов. Это будут войны финансистов в поисках добычи, войны фашистов, страдающих манией убийства, войны для увековечения эксплуатации в других континентах, войны для уничтожения свободы там, где она развивается, для уничтожения социализма, для увековечения нынешнего страшного рабства.

Противодействовать таким преступлениям при всякой возможности должно быть личным делом каждого. Этим путем мы устранимся от участия в войне, мы сопротивляемся убийству и

- 39 -

лишения, экономическую разруху, отчаяние, возникшие из экономической изоляции. Теперь империализм, международные финансы, дипломатия, военная промышленность, ненасытный милитаризм, ядовитые газы — все это мы видим бесконечно яснее, чем прежде.

Каков бы ни был предлог, который может послужить для того, чтобы спустить с цепи новую войну, мы знаем, что, во всяком случае, эти предлоги будут — ложны. Война будет вызвана потому, что тот или другой из группы сообщников думает, что в руках у него выигрышные козыри. Война отныне признается, безусловно, позорной игрой, в которую играют для того, чтобы грабить и разорять побежденных. Эти последние, обезоруженные и бессильные, были бы самоубийцами, если бы попытались броситься на державы, вооруженные до зубов. Такой поступок мог бы вызвать восстание, которое послужило бы предлогом для того, чтобы для побежденных были выкованы еще более тяжелые цепи. Надежды этих жертв основаны на возможности разложения в стане самих победителей, вследствие разрушения, которое они создали и которое распространяется и превращается в мировой экономический кризис. Надежда победителей построена на расчете и продлит свое господство путем создания новых жертв. Поэтому возможны ужасные войны на континентах Азии и Африки, и в настоящее время восставших расстреливают небольшими группами в Бирме, во французской Азии, на голландской

- 38 -

лишения, экономическую разруху, отчаяние, возникшие из экономической изоляции. Теперь империализм, международные финансы, дипломатия, военная промышленность, ненасытный милитаризм, ядовитые газы — все это мы видим бесконечно яснее, чем прежде.

Каков бы ни был предлог, который может послужить для того, чтобы спустить с цепи новую войну, мы знаем, что, во всяком случае, эти предлоги будут — ложны. Война будет вызвана потому, что тот или другой из группы сообщников думает, что в руках у него выигрышные козыри. Война отныне признается, безусловно, позорной игрой, в которую играют для того, чтобы грабить и разорять побежденных. Эти последние, обезоруженные и бессильные, были бы самоубийцами, если бы попытались броситься на державы, вооруженные до зубов. Такой поступок мог бы вызвать восстание, которое послужило бы предлогом для того, чтобы для побежденных были выкованы еще более тяжелые цепи. Надежды этих жертв основаны на возможности разложения в стане самих победителей, вследствие разрушения, которое они создали и которое распространяется и превращается в мировой экономический кризис. Надежда победителей построена на расчете и продлит свое господство путем создания новых жертв. Поэтому возможны ужасные войны на континентах Азии и Африки, и в настоящее время восставших расстреливают небольшими группами в Бирме, во французской Азии, на голландской

- 38 -

Европы много лет спустя. Для нас это было и есть предостережение, — для большевиков же это было и есть образец. Здесь они стоят в стороне от всего мирового социализма. Если их господство затянется, как затянулось господство Наполеона, то это было бы бедствием и подрывом, а не спасением общества. Каждый знает теперь, что авторитарный социализм на деле означает абсолютную тиранию, как Бакунин столько раз заявлял в лицо Марксу, но чему верить всегда отказывались в массе своей социалисты.

Эти факты прокладывают дорогу для прогресса всех подлинно свободных форм социализма. Социализм без свободы столь же невыносим, как лавка, набитая всеми произведениями земли, но с закрытыми окнами, без воздуха, где людям невозможно было бы жить. Окна для воздуха и свободы должны быть широко открыты в социалистическом обществе, — таково теперь убеждение здоровой и здравомыслящей части человечества. Голоса этой части человечества часто заглушаются истерическими криками отчаявшихся людей, стоящих накануне потери разума и способности жить. Такие люди начинают призывать тирана-диктатора, подобно тому, как обезумевший человек хватается топор и сокрушает все вокруг. В этих бедных жертвах говорят века авторитарного воспитания. Они представляют собой власть, потерявшую разум. В странах, стоящих накануне полного крушения в Европе, такие люди бросаются от коммунизма к

- 11 -

Европы много лет спустя. Для нас это было и есть предостережение, — для большевиков же это было и есть образец. Здесь они стоят в стороне от всего мирового социализма. Если их господство затянется, как затянулось господство Наполеона, то это было бы бедствием и подрывом, а не спасением общества. Каждый знает теперь, что авторитарный социализм на деле означает абсолютную тиранию, как Бакунин столько раз заявлял в лицо Марксу, но чему верить всегда отказывались в массе своей социалисты.

Эти факты прокладывают дорогу для прогресса всех подлинно свободных форм социализма. Социализм без свободы столь же невыносим, как лавка, набитая всеми произведениями земли, но с закрытыми окнами, без воздуха, где людям невозможно было бы жить. Окна для воздуха и свободы должны быть широко открыты в социалистическом обществе, — таково теперь убеждение здоровой и здравомыслящей части человечества. Голоса этой части человечества часто заглушаются истерическими криками отчаявшихся людей, стоящих накануне потери разума и способности жить. Такие люди начинают призывать тирана-диктатора, подобно тому, как обезумевший человек хватается топор и сокрушает все вокруг. В этих бедных жертвах говорят века авторитарного воспитания. Они представляют собой власть, потерявшую разум. В странах, стоящих накануне полного крушения в Европе, такие люди бросаются от коммунизма к

- 11 -

национализму, к фашизму, туда и сюда, подобно моли, летающей от свечи к свече, пока она не обжигает себе крыльев. Это просто безумие, индивидуальное и коллективное.

Все это должно научить нас терпеливо относиться к человечеству, из рядов которого в годы успешной пропаганды так много лучших людей пришли к социалистам и анархистам.

Они заставили нас поверить и, до некоторой степени, надеяться, что почти все остальные люди подобны им и что, следовательно, путем усиления пропаганды с течением времени можно было бы привлечь в наши ряды очень значительную часть населения. Мы упустили из виду тот факт, что число таких новообращенных подлинных социалистов очень ограничено и что только путем постоянного ослабления своего социалистического характера социал-демократические и рабочие партии и крупные рабочие организации могут побуждать миллионы голосовать за себя или получать членские карточки больших профсоюзов.

Теперь, когда все неприятное и катастрофическое, ежедневно происходящее после 1914 года, оказало влияние на повседневную жизнь каждого в Европе и очень многих в Америке, а также на других континентах, теперь в движение пришли глубочайшие массы. Ретрограды выступают на передний план так же, как и прогрессисты, и мы только теперь можем измерить сумму атавистической авторитарности,

- 12 -

национализму, к фашизму, туда и сюда, подобно моли, летающей от свечи к свече, пока она не обжигает себе крыльев. Это просто безумие, индивидуальное и коллективное.

Все это должно научить нас терпеливо относиться к человечеству, из рядов которого в годы успешной пропаганды так много лучших людей пришли к социалистам и анархистам.

Они заставили нас поверить и, до некоторой степени, надеяться, что почти все остальные люди подобны им и что, следовательно, путем усиления пропаганды с течением времени можно было бы привлечь в наши ряды очень значительную часть населения. Мы упустили из виду тот факт, что число таких новообращенных подлинных социалистов очень ограничено и что только путем постоянного ослабления своего социалистического характера социал-демократические и рабочие партии и крупные рабочие организации могут побуждать миллионы голосовать за себя или получать членские карточки больших профсоюзов.

Теперь, когда все неприятное и катастрофическое, ежедневно происходящее после 1914 года, оказало влияние на повседневную жизнь каждого в Европе и очень многих в Америке, а также на других континентах, теперь в движение пришли глубочайшие массы. Ретрограды выступают на передний план так же, как и прогрессисты, и мы только теперь можем измерить сумму атавистической авторитарности,

- 12 -

Революции, 1848 и 1870 годов, рост империализма с 80-х годов до Великой войны, — этот опыт, и без того обширный, уже дополнен для нас периодом 1920–1930 г.г., периодом огромных перемен, которых не могли предвидеть эти старые товарищи. Только Малатеста может оглянуться на период с 1870 года и ранних традиций и протянуть линию от них до периода 1920–1930 годов, который разрушил его надежды, установив фашизм в дотол прогрессивной Италии. Испания 1931 г. несет новые надежды, но нелегко понять, как накопленная ею сила, долго бывшая невидимой под монархической надстройкой, будет действовать при нынешнем возрождении страны.

Все это теперешние анархисты должны изучать и анализировать, находить движущие факторы прогресса и содействовать их развитию. Они должны также воздерживаться от поддержки ретроградных тенденций, которых теперь так много. Тогда они увидят, где находятся силы, подготовляющие новые войны, и сумеют повести с ними разумную борьбу, изолировать их и вытеснить их. Только путем такой борьбы они окажутся на уровне событий, не будут ими обмануты и брошены на ложный путь, как это случилось со всеми нами в 1914 году. Теперь задор национализма выдохся, его блеск померк, и мы видим эгоиста, самодержца, фашиста за всей этой шумихой. Теперь блеск сепаратизма, стремление разрывать на части экономические единицы — исчезли, и мы видим нищету,

- 37 -

Революции, 1848 и 1870 годов, рост империализма с 80-х годов до Великой войны, — этот опыт, и без того обширный, уже дополнен для нас периодом 1920–1930 г.г., периодом огромных перемен, которых не могли предвидеть эти старые товарищи. Только Малатеста может оглянуться на период с 1870 года и ранних традиций и протянуть линию от них до периода 1920–1930 годов, который разрушил его надежды, установив фашизм в дотол прогрессивной Италии. Испания 1931 г. несет новые надежды, но нелегко понять, как накопленная ею сила, долго бывшая невидимой под монархической надстройкой, будет действовать при нынешнем возрождении страны.

Все это теперешние анархисты должны изучать и анализировать, находить движущие факторы прогресса и содействовать их развитию. Они должны также воздерживаться от поддержки ретроградных тенденций, которых теперь так много. Тогда они увидят, где находятся силы, подготовляющие новые войны, и сумеют повести с ними разумную борьбу, изолировать их и вытеснить их. Только путем такой борьбы они окажутся на уровне событий, не будут ими обмануты и брошены на ложный путь, как это случилось со всеми нами в 1914 году. Теперь задор национализма выдохся, его блеск померк, и мы видим эгоиста, самодержца, фашиста за всей этой шумихой. Теперь блеск сепаратизма, стремление разрывать на части экономические единицы — исчезли, и мы видим нищету,

- 37 -

промышленностью. Все на этом континенте как будто ждет помощи от кого-нибудь и своими силами не развивается. Наиболее умные наблюдатели советуют изменить эту политику взаимного разрушения, но никто не смеет прикоснуться к непрочной постройке из опасения, что она рухнет вся целиком. Это — триумф эгоизма над солидарностью, взаимной озлобленности над доброжелательством, антисоциализма против общественной жизни. Отсюда появление итальянского фашизма, югославского абсолютизма, германского национализма отчаяния. Единственные страны, жизнь которых нормальна и которым не угрожает серьезный кризис, — это три скандинавские страны, Швейцария, Голландия, маленький Люксембург и, до некоторой степени, Бельгия. Только в одной Испании совсем недавно установился свободный режим, и либертарные рабочие там многочисленны и могущественны. Прибавьте к этому великие перемены в Британской Империи, коснувшиеся даже Австралии, затем перемены в Южной Америке и гигантский рост благосостояния, но также и некоторых экономических потрясений и опасений за будущее в Соединенных Штатах.

Конечно, наша политическая и социальная мысль должна принимать во внимание все это. Политические и социальные наблюдения Бакунина и Кропоткина, покрывшие 90 лет — с 1830 до 1920 — отразившие влияние Французской

- 36 -

промышленностью. Все на этом континенте как будто ждет помощи от кого-нибудь и своими силами не развивается. Наиболее умные наблюдатели советуют изменить эту политику взаимного разрушения, но никто не смеет прикоснуться к непрочной постройке из опасения, что она рухнет вся целиком. Это — триумф эгоизма над солидарностью, взаимной озлобленности над доброжелательством, антисоциализма против общественной жизни. Отсюда появление итальянского фашизма, югославского абсолютизма, германского национализма отчаяния. Единственные страны, жизнь которых нормальна и которым не угрожает серьезный кризис, — это три скандинавские страны, Швейцария, Голландия, маленький Люксембург и, до некоторой степени, Бельгия. Только в одной Испании совсем недавно установился свободный режим, и либертарные рабочие там многочисленны и могущественны. Прибавьте к этому великие перемены в Британской Империи, коснувшиеся даже Австралии, затем перемены в Южной Америке и гигантский рост благосостояния, но также и некоторых экономических потрясений и опасений за будущее в Соединенных Штатах.

Конечно, наша политическая и социальная мысль должна принимать во внимание все это. Политические и социальные наблюдения Бакунина и Кропоткина, покрывшие 90 лет — с 1830 до 1920 — отразившие влияние Французской

- 36 -

невежества, зверства, которые жили и живут среди нас в каждой стране. Это шествие отсталых, в конечном счете, может, однако, по моему мнению, только показать неподготовленность и бесплодность их. Свободолюбивые люди стоят в стороне в эти годы, но они не ушли и не вымерли — они только предоставляют ретроgrадам показать себя на деле и исчезнуть. Мы надеемся, что на этом и закончится парад ретроgrадов, хотя они могут еще причинить много вреда, прежде чем исчезнуть.

Анархизм играет важную роль, славную роль в подобные времена, если только он твердо стоит за свое и всего человечества великое дело. Не анархизм, изложенный в программах, в платформах, в брошюрах, в банальных статьях и речах, а предчувствие более широкого и глубокого грядущего анархизма. Этот анархизм, устами Годвина, предостерег Французскую Революцию от принятия ею авторитарного характера и направления. Он снова послал предостережение революции 1848 года устами Прудона, предупреждая ее не превращаться в правительство нового образца. Тот же анархизм, устами Бакунина, предостерегал Интернационал 1864 года от превращения составлявших его групп и партий в фракции, растерявшие свой социализм из-за авторитарной жадности к политической власти. Вследствие несчастного стечения обстоятельств, такие предостережения слабых голосов всегда оставались без внимания, вплоть до

- 13 -

невежества, зверства, которые жили и живут среди нас в каждой стране. Это шествие отсталых, в конечном счете, может, однако, по моему мнению, только показать неподготовленность и бесплодность их. Свободолюбивые люди стоят в стороне в эти годы, но они не ушли и не вымерли — они только предоставляют ретроgrадам показать себя на деле и исчезнуть. Мы надеемся, что на этом и закончится парад ретроgrадов, хотя они могут еще причинить много вреда, прежде чем исчезнуть.

Анархизм играет важную роль, славную роль в подобные времена, если только он твердо стоит за свое и всего человечества великое дело. Не анархизм, изложенный в программах, в платформах, в брошюрах, в банальных статьях и речах, а предчувствие более широкого и глубокого грядущего анархизма. Этот анархизм, устами Годвина, предостерег Французскую Революцию от принятия ею авторитарного характера и направления. Он снова послал предостережение революции 1848 года устами Прудона, предупреждая ее не превращаться в правительство нового образца. Тот же анархизм, устами Бакунина, предостерегал Интернационал 1864 года от превращения составлявших его групп и партий в фракции, растерявшие свой социализм из-за авторитарной жадности к политической власти. Вследствие несчастного стечения обстоятельств, такие предостережения слабых голосов всегда оставались без внимания, вплоть до

- 13 -

военной катастрофы 1914 года. Эти голоса слишком слабы, почти случайны даже теперь, после семнадцати лет всеобщих страданий. В течение этих семнадцати лет даже те, кто менее других пострадал, не имели возможности полностью наслаждаться своим более счастливым положением. Эти голоса должны усилиться и стать постоянными быть выразителями широких и общих воззрений. Все дело социализма находится теперь под защитой таких людей, ибо большевики не заботятся более о социализме, будучи заняты истреблением тех, кто не примыкает к их вере. Политические же социалисты до такой степени увязли в современном строе — от Муссолини, Брианов, Макдональдов, Пилсудских, управляющих целыми странами, до мелких людей, составляющих десятки тысяч, связанных с какими-нибудь должностями в государстве или партийных машинах, — что они поддерживают этот строй изо дня в день, всякими ухищрениями пытаюсь продлить его существование. Их задача — продлить благоприятное для них положение, задерживая приход свободного общества, где им также — подумайте только! — может быть пришлось бы работать. Таким образом, все покоится на плечах всех прогрессивных людей и в особенности анархистов, которые черпают свое нравственное право в том, что они были и желают быть наиболее ценными представителями прогресса. Из всех социалистов только они не стремятся навязать какой бы то ни было строй,

- 14 -

военной катастрофы 1914 года. Эти голоса слишком слабы, почти случайны даже теперь, после семнадцати лет всеобщих страданий. В течение этих семнадцати лет даже те, кто менее других пострадал, не имели возможности полностью наслаждаться своим более счастливым положением. Эти голоса должны усилиться и стать постоянными быть выразителями широких и общих воззрений. Все дело социализма находится теперь под защитой таких людей, ибо большевики не заботятся более о социализме, будучи заняты истреблением тех, кто не примыкает к их вере. Политические же социалисты до такой степени увязли в современном строе — от Муссолини, Брианов, Макдональдов, Пилсудских, управляющих целыми странами, до мелких людей, составляющих десятки тысяч, связанных с какими-нибудь должностями в государстве или партийных машинах, — что они поддерживают этот строй изо дня в день, всякими ухищрениями пытаюсь продлить его существование. Их задача — продлить благоприятное для них положение, задерживая приход свободного общества, где им также — подумайте только! — может быть пришлось бы работать. Таким образом, все покоится на плечах всех прогрессивных людей и в особенности анархистов, которые черпают свое нравственное право в том, что они были и желают быть наиболее ценными представителями прогресса. Из всех социалистов только они не стремятся навязать какой бы то ни было строй,

- 14 -

иной ряд впечатлений. Малатеста — опять другой ряд их, и так же обстоит дело с нами самими.

Почему же особые взгляды Бакунина и Кропоткина должны быть более приемлемы для нынешнего поколения, чем взгляды Реклю, Прудона, Малатесты и других? Почему бы нам не руководствоваться, прежде всего, нашими собственными впечатлениями во всех этих вопросах?

В результате войны национальные мечты Бакунина и Кропоткина почти осуществились. Россия освободилась от европейского влияния, Германия раздвлена. Австро-Венгрия более не существует. Славянские национальности имеют свои собственные независимые государства с границами, проведенными по их собственным указаниям, согласно самым либеральным принципам. Франция всемогущая в Европе, Польша восстановлена. Только федерализма нет нигде. Лишь в Испании он сейчас появился, но совершенно независимо от войны. Национальные государства пользуются автономией; тем не менее, они вошли в сферу преобладающего влияния Франции.

Англия начинает скептически относиться к новым порядкам на континенте. Деловые люди с сожалением смотрят на этот континент, разделенный множеством таможенных барьеров и покрытый разоренными государствами или странами с уменьшившейся покупательной силой и искусственно насажденной местной

- 35 -

иной ряд впечатлений. Малатеста — опять другой ряд их, и так же обстоит дело с нами самими.

Почему же особые взгляды Бакунина и Кропоткина должны быть более приемлемы для нынешнего поколения, чем взгляды Реклю, Прудона, Малатесты и других? Почему бы нам не руководствоваться, прежде всего, нашими собственными впечатлениями во всех этих вопросах?

В результате войны национальные мечты Бакунина и Кропоткина почти осуществились. Россия освободилась от европейского влияния, Германия раздвлена. Австро-Венгрия более не существует. Славянские национальности имеют свои собственные независимые государства с границами, проведенными по их собственным указаниям, согласно самым либеральным принципам. Франция всемогущая в Европе, Польша восстановлена. Только федерализма нет нигде. Лишь в Испании он сейчас появился, но совершенно независимо от войны. Национальные государства пользуются автономией; тем не менее, они вошли в сферу преобладающего влияния Франции.

Англия начинает скептически относиться к новым порядкам на континенте. Деловые люди с сожалением смотрят на этот континент, разделенный множеством таможенных барьеров и покрытый разоренными государствами или странами с уменьшившейся покупательной силой и искусственно насажденной местной

- 35 -

либертариев развивается иначе. Они могут выполнять долг интернациональной солидарности, отвергнутый сторонниками авторитета. Но им придется самим изучать эту проблему. Нынешнему поколению нужно самому решать ее, а не принимать ныне уже устаревшие формы, какие придали ей Бакунин и Кропоткин, люди уже отошедших времен.

При всем уважении к Бакунину и Кропоткину мы знаем, что оба они были воспитаны в военной среде и были русскими офицерами. Хотя оба они переросли свою среду и жили интернациональной жизнью в наиболее передовой среде Европы, однако оба они были в ранней молодости — и никогда этого не отрицали — на протяжении нескольких лет не милитаристами, правда, но национальными патриотами. Другими словами, патриотизм был не очень крепко привит им путем воспитания, но сами они, как оппозиционеры и как юноши, исполненные возвышенной мечтой о полезной работе для родины, идеализировали официальный патриотизм и таким образом подлинно любили Россию в своих мечтах.

Я не буду продолжать это сравнение, ибо оно потребовало бы тщательно установить, в чем они отличались друг от друга. Но суть в том, что Россия 30–х и 60–х годов и Западная Европа 40–х и 70–х годов, где сформировались их характеры и где заложены были основы их жизненного опыта, дали им множество одинаковых и незабываемых впечатлений. Элизе Реклю получил совершенно

- 34 -

либертариев развивается иначе. Они могут выполнять долг интернациональной солидарности, отвергнутый сторонниками авторитета. Но им придется самим изучать эту проблему. Нынешнему поколению нужно самому решать ее, а не принимать ныне уже устаревшие формы, какие придали ей Бакунин и Кропоткин, люди уже отошедших времен.

При всем уважении к Бакунину и Кропоткину мы знаем, что оба они были воспитаны в военной среде и были русскими офицерами. Хотя оба они переросли свою среду и жили интернациональной жизнью в наиболее передовой среде Европы, однако оба они были в ранней молодости — и никогда этого не отрицали — на протяжении нескольких лет не милитаристами, правда, но национальными патриотами. Другими словами, патриотизм был не очень крепко привит им путем воспитания, но сами они, как оппозиционеры и как юноши, исполненные возвышенной мечтой о полезной работе для родины, идеализировали официальный патриотизм и таким образом подлинно любили Россию в своих мечтах.

Я не буду продолжать это сравнение, ибо оно потребовало бы тщательно установить, в чем они отличались друг от друга. Но суть в том, что Россия 30–х и 60–х годов и Западная Европа 40–х и 70–х годов, где сформировались их характеры и где заложены были основы их жизненного опыта, дали им множество одинаковых и незабываемых впечатлений. Элизе Реклю получил совершенно

- 34 -

они хотят только расчистить дорогу от всех препятствий для прогресса: от власти и невежества, привилегии и монополии, от господства жадности и покорности ей, — а тогда прогресс, свободное человечество, сами позаботятся о себе и создадут формы социальной жизни, которую мы можем предвидеть скорее в мечтах и догадках, чем путем планов и расчетов. Эти планы мы можем с пользой обсуждать и улучшать индивидуально или коллективно, но мы не претендуем навязывать их человечеству в качестве единственно возможных решений и непогрешимых программ.

Было бы также большой ошибкой, по моему мнению, если бы дружественные отношения между анархистами и синдикалистами разных стран привели некоторых товарищей к вере в то, что они могут безопасно слить полностью свое дело с делом синдикализма. Базис этих двух группировок различен, и при нынешнем положении вещей синдикализм поглотит любое число анархистов, которые дадут себя поглотить, но он ничего не дает взамен этого.

Там, где синдикализм вполне сознателен, он остается совершенно обособленным. Анархисты должны научиться умению не давать себя увлекать исключительно в одном направлении: при каждом удобном случае помощи, оказанной ими синдикализму, они должны помнить о более высоком долге перед анархизмом, и ничто не мешает им всегда быть полезным обоим.

- 15 -

они хотят только расчистить дорогу от всех препятствий для прогресса: от власти и невежества, привилегии и монополии, от господства жадности и покорности ей, — а тогда прогресс, свободное человечество, сами позаботятся о себе и создадут формы социальной жизни, которую мы можем предвидеть скорее в мечтах и догадках, чем путем планов и расчетов. Эти планы мы можем с пользой обсуждать и улучшать индивидуально или коллективно, но мы не претендуем навязывать их человечеству в качестве единственно возможных решений и непогрешимых программ.

Было бы также большой ошибкой, по моему мнению, если бы дружественные отношения между анархистами и синдикалистами разных стран привели некоторых товарищей к вере в то, что они могут безопасно слить полностью свое дело с делом синдикализма. Базис этих двух группировок различен, и при нынешнем положении вещей синдикализм поглотит любое число анархистов, которые дадут себя поглотить, но он ничего не дает взамен этого.

Там, где синдикализм вполне сознателен, он остается совершенно обособленным. Анархисты должны научиться умению не давать себя увлекать исключительно в одном направлении: при каждом удобном случае помощи, оказанной ими синдикализму, они должны помнить о более высоком долге перед анархизмом, и ничто не мешает им всегда быть полезным обоим.

- 15 -

Должен ли я подвергнуть здесь обсуждению еще некую другую обескураживающую особенность нынешнего времени? Было время, много лет тому назад, когда некоторые товарищи, воодушевленные самыми прекрасными намерениями, пытались, как это делается в цирке, ехать одновременно на двух лошадях, поставив одну ногу на седло одной лошади, а другую на седло другой. Я имею здесь в виду анархо-большевиков. Мне кажется, что все они были, рано или поздно, сброшены со своих лошадей, ибо их лошади скакали в совершенно разных направлениях. С тех пор некоторые из них опять почувствовали себя анархистами, а другие были поглощены большевизмом. Влияние всех этих «великих дел», совершающихся вокруг них, попытки быть полезными в разных направлениях объясняют эти ошибки мысли. Но в течение нескольких лет после появления платформы 1926 года, насколько мне известно, нетерпение, оторванность и, прежде всего, зрелище внешне могущественного большевизма, правящего массами, толкнули некоторых на мысль постепенно вводить авторитарные черты в сам анархизм. Такие действия свидетельствуют только об отсутствии веры, о трусости и о подражательных привычках, допускающих проникновение в анархизм совершенно противоположных идеологий и настроений. Они подрывают анархизм повсюду, где он есть — в русской, французской, а иногда и в испанской

- 16 -

Должен ли я подвергнуть здесь обсуждению еще некую другую обескураживающую особенность нынешнего времени? Было время, много лет тому назад, когда некоторые товарищи, воодушевленные самыми прекрасными намерениями, пытались, как это делается в цирке, ехать одновременно на двух лошадях, поставив одну ногу на седло одной лошади, а другую на седло другой. Я имею здесь в виду анархо-большевиков. Мне кажется, что все они были, рано или поздно, сброшены со своих лошадей, ибо их лошади скакали в совершенно разных направлениях. С тех пор некоторые из них опять почувствовали себя анархистами, а другие были поглощены большевизмом. Влияние всех этих «великих дел», совершающихся вокруг них, попытки быть полезными в разных направлениях объясняют эти ошибки мысли. Но в течение нескольких лет после появления платформы 1926 года, насколько мне известно, нетерпение, оторванность и, прежде всего, зрелище внешне могущественного большевизма, правящего массами, толкнули некоторых на мысль постепенно вводить авторитарные черты в сам анархизм. Такие действия свидетельствуют только об отсутствии веры, о трусости и о подражательных привычках, допускающих проникновение в анархизм совершенно противоположных идеологий и настроений. Они подрывают анархизм повсюду, где он есть — в русской, французской, а иногда и в испанской

- 16 -

могущества своей страны, т.е. хотят неравенства, которое может поддерживаться только силою вооруженной государственной власти, всегда готовой к войне.

Подлинный антимилитаризм никогда не развивался и не может развиваться при таких условиях.

Все это привело к тому, что подлинный цельный социализм в настоящее время встречается только среди либертарных социалистов. Искреннее стремление к миру, подлинная интернациональная солидарность, настоящий антивоенный дух также могут существовать только среди либертарных социалистов. Это показывает, какую великую ответственность приходится нести свобододлюбивым социалистам, пережившим, путем естественного отбора многочисленные виды социализма, ту его авторитарную форму, которая выродилась и остается бесплодной. В самом деле, если мы сравним поколения ранних авторитарных социалистов, вроде Сен-Симона, следующее поколение — Луи Блана и Маркса, и следующее за ним — Бебеля и Либкнехта, с двумя следующими за ними, — т.е., если мы сравним людей 1810, 1840, 1870, 1930 г.г., — то получится типичная эволюция вырождения, уже прекратившаяся в наши дни, когда вожди становятся государственными министрами, а рядовые люди не имеют собственной социалистической жизни. Интеллектуальная и энергичная жизненность

- 33 -

могущества своей страны, т.е. хотят неравенства, которое может поддерживаться только силою вооруженной государственной власти, всегда готовой к войне.

Подлинный антимилитаризм никогда не развивался и не может развиваться при таких условиях.

Все это привело к тому, что подлинный цельный социализм в настоящее время встречается только среди либертарных социалистов. Искреннее стремление к миру, подлинная интернациональная солидарность, настоящий антивоенный дух также могут существовать только среди либертарных социалистов. Это показывает, какую великую ответственность приходится нести свобододлюбивым социалистам, пережившим, путем естественного отбора многочисленные виды социализма, ту его авторитарную форму, которая выродилась и остается бесплодной. В самом деле, если мы сравним поколения ранних авторитарных социалистов, вроде Сен-Симона, следующее поколение — Луи Блана и Маркса, и следующее за ним — Бебеля и Либкнехта, с двумя следующими за ними, — т.е., если мы сравним людей 1810, 1840, 1870, 1930 г.г., — то получится типичная эволюция вырождения, уже прекратившаяся в наши дни, когда вожди становятся государственными министрами, а рядовые люди не имеют собственной социалистической жизни. Интеллектуальная и энергичная жизненность

- 33 -

Все это было направлено к победам на выборах и заставляло политических социалистов очень бережно относиться к патриотическим убеждениям миллионов своих возможных избирателей.

При таких обстоятельствах антимилитаризм и подлинная оппозиция политике престижа и сильной власти, которую ведет всякое государство, стали невозможными для миллионов политически организованных рабочих. Миллионы организованные в тред-юнионы и синдикаты, представляющие теперь повсюду главную массу рабочего класса, жизненно заинтересованы в процветании торговли своих стран. Вывоз зависит в значительной степени, в настоящее время, от богатства и силы вывозящей страны. Следовательно, опасность безработицы и низкой заработной платы угрожает, прежде всего, менее могущественным государствам, как это показывает сравнение численности безработных и плохо оплачиваемых рабочих в обезоруженной Германии и в разоренной Австрии — с рабочими Англии и Франции. Таким образом, политически и экономически, в настоящее время, интересы государства, капиталистов и рабочих соединены воедино в тех странах, которые еще процветают.

Нельзя ожидать действий, направленных к интернациональной солидарности, к серьезному сокращению вооружений и т.д. от массы рабочих больших и благоденствующих стран, ибо эти массы не желают уменьшения благоденствия и

- 32 -

Все это было направлено к победам на выборах и заставляло политических социалистов очень бережно относиться к патриотическим убеждениям миллионов своих возможных избирателей.

При таких обстоятельствах антимилитаризм и подлинная оппозиция политике престижа и сильной власти, которую ведет всякое государство, стали невозможными для миллионов политически организованных рабочих. Миллионы организованные в тред-юнионы и синдикаты, представляющие теперь повсюду главную массу рабочего класса, жизненно заинтересованы в процветании торговли своих стран. Вывоз зависит в значительной степени, в настоящее время, от богатства и силы вывозящей страны. Следовательно, опасность безработицы и низкой заработной платы угрожает, прежде всего, менее могущественным государствам, как это показывает сравнение численности безработных и плохо оплачиваемых рабочих в обезоруженной Германии и в разоренной Австрии — с рабочими Англии и Франции. Таким образом, политически и экономически, в настоящее время, интересы государства, капиталистов и рабочих соединены воедино в тех странах, которые еще процветают.

Нельзя ожидать действий, направленных к интернациональной солидарности, к серьезному сокращению вооружений и т.д. от массы рабочих больших и благоденствующих стран, ибо эти массы не желают уменьшения благоденствия и

- 32 -

среде. Это, в сущности, маленькие умы для нынешних времен великого возбуждения, когда все происходящее требует от анархистов открыто развернуть свои принципы. Они же поступают как раз наоборот, как бы стыдясь себя самих, и жаждут создать вновь некий анархический большевизм.

Лучше бы им просто присоединиться к большевизму, раз их сердце на его стороне.

Эти тяжкие времена требуют лучше направленных либертарных усилий. Капитализм слишком доверчиво относился к государству, к своему пособнику в борьбе против «внутреннего врага» — рабочих. Оно заботится о новых рынках путем искусной внешней политики и завоеваний. Но в самое недавнее время, когда силы государства были спущены с цепи, в 1914 г., они вызвали такую мировую катастрофу, что и 17 лет спустя «военные» страсти свирепствуют хуже, чем когда бы, то, ни было. Вы можете назвать это финансовой, или торговой, или таможенной войной, или войной за золотую валюту или долги, но как бы их, ни называть, в результате каждый человек теперь является жертвою банкротства и крушения государственной власти и капитала. Вся мировая сеть внутренних отношений находится в тисках кризиса. Конечно, голоса либералов, радикалов и либертариес зазвучат теперь громче. Момент для едкой критики государственного начала и для обсуждения путей к свободной и

- 17 -

среде. Это, в сущности, маленькие умы для нынешних времен великого возбуждения, когда все происходящее требует от анархистов открыто развернуть свои принципы. Они же поступают как раз наоборот, как бы стыдясь себя самих, и жаждут создать вновь некий анархический большевизм.

Лучше бы им просто присоединиться к большевизму, раз их сердце на его стороне.

Эти тяжкие времена требуют лучше направленных либертарных усилий. Капитализм слишком доверчиво относился к государству, к своему пособнику в борьбе против «внутреннего врага» — рабочих. Оно заботится о новых рынках путем искусной внешней политики и завоеваний. Но в самое недавнее время, когда силы государства были спущены с цепи, в 1914 г., они вызвали такую мировую катастрофу, что и 17 лет спустя «военные» страсти свирепствуют хуже, чем когда бы, то, ни было. Вы можете назвать это финансовой, или торговой, или таможенной войной, или войной за золотую валюту или долги, но как бы их, ни называть, в результате каждый человек теперь является жертвою банкротства и крушения государственной власти и капитала. Вся мировая сеть внутренних отношений находится в тисках кризиса. Конечно, голоса либералов, радикалов и либертариес зазвучат теперь громче. Момент для едкой критики государственного начала и для обсуждения путей к свободной и

- 17 -

солидарной социальной перестройке теперь наступил.

Здесь мы чувствуем, что целый мир отделяет нас от ложных большевистских решений. Мы чувствуем также, что восстающие массы повсюду с осуждением смотрят на государство и почти отделились уже от государственных и капиталистических предрассудков, ибо государство и капитализм оказались настолько неспособными, отсталыми, глупыми и жестокими, что, не задумываясь дали возможность кризису раздуться до его нынешних, все растущих размеров. А рядом со всем этим мы видим жалкие решения, предлагаемые большевизмом и авторитарными социалистами других стран, — решения, совершенно не носящие социалистического характера.

Таким образом, предстоит работа для либертариев в том направлении, какое я пытался здесь наметить. Такая работа будет для нас самих предметом изучения и интеллектуального усилия, а также средством для идейного общения с другими. Ибо человечество всегда шире, всегда таит в себе более разнообразные и иногда скрытые силы, чем того могут ожидать сторонники даже самого лучшего дела.

Большевизм лежит позади нас, анархизм же впереди нас, и прогресс, эволюция направляются в его сторону.

1930г

- 18 -

солидарной социальной перестройке теперь наступил.

Здесь мы чувствуем, что целый мир отделяет нас от ложных большевистских решений. Мы чувствуем также, что восстающие массы повсюду с осуждением смотрят на государство и почти отделились уже от государственных и капиталистических предрассудков, ибо государство и капитализм оказались настолько неспособными, отсталыми, глупыми и жестокими, что, не задумываясь дали возможность кризису раздуться до его нынешних, все растущих размеров. А рядом со всем этим мы видим жалкие решения, предлагаемые большевизмом и авторитарными социалистами других стран, — решения, совершенно не носящие социалистического характера.

Таким образом, предстоит работа для либертариев в том направлении, какое я пытался здесь наметить. Такая работа будет для нас самих предметом изучения и интеллектуального усилия, а также средством для идейного общения с другими. Ибо человечество всегда шире, всегда таит в себе более разнообразные и иногда скрытые силы, чем того могут ожидать сторонники даже самого лучшего дела.

Большевизм лежит позади нас, анархизм же впереди нас, и прогресс, эволюция направляются в его сторону.

1930г

- 18 -

* * *

Что было действительно сделано для мира в течение этого длинного периода? Четыре интернациональных Конгресса 1848–1851 годов, Лига Мира и Свободы с ее неопределенными федералистскими тенденциями, начавшиеся в 70-х годах попытки свести проблему о мире к формальным договорам о третейском суде, даже голос Толстого, звавший человечество к возвышенным идеалам, — все это лишено было подлинного порыва, который доходил бы до сердца народа.

Социалисты из рядов рабочего класса говорили о бесчинствах солдат, о разорительных расходах на вооружение, о растущем искушении прибегать к войне в интересах торговли и финансов, борьбы за рынки, о спорах за колонии и подчеркивали ненасытную жадность империалистов. Из всего этого возникла некоторая доля антимилитаризма, начались отказы от военной службы, создались маленькие движения преданных этой идее людей, было много жертв, пренебрегших самыми жестокими преследованиями и продолжающих ими пренебрегать. Но в, то, же самое время территориальные партии политических социалистов приняли такие обширные размеры, что стали подумывать уже о завоевании политической власти, министерских постах для социалистических лидеров, и эти мечты осуществились. В послевоенные годы целые рабочие правительства стали обычным явлением.

- 31 -

* * *

Что было действительно сделано для мира в течение этого длинного периода? Четыре интернациональных Конгресса 1848–1851 годов, Лига Мира и Свободы с ее неопределенными федералистскими тенденциями, начавшиеся в 70-х годах попытки свести проблему о мире к формальным договорам о третейском суде, даже голос Толстого, звавший человечество к возвышенным идеалам, — все это лишено было подлинного порыва, который доходил бы до сердца народа.

Социалисты из рядов рабочего класса говорили о бесчинствах солдат, о разорительных расходах на вооружение, о растущем искушении прибегать к войне в интересах торговли и финансов, борьбы за рынки, о спорах за колонии и подчеркивали ненасытную жадность империалистов. Из всего этого возникла некоторая доля антимилитаризма, начались отказы от военной службы, создались маленькие движения преданных этой идее людей, было много жертв, пренебрегших самыми жестокими преследованиями и продолжающих ими пренебрегать. Но в, то, же самое время территориальные партии политических социалистов приняли такие обширные размеры, что стали подумывать уже о завоевании политической власти, министерских постах для социалистических лидеров, и эти мечты осуществились. В послевоенные годы целые рабочие правительства стали обычным явлением.

- 31 -

Он обожествлял Францию, которая всегда была для него французской Революцией, идущей вперед с развернутым флагом и распространяющей свободу по всему миру.

Таким образом, в эпоху 1877–1914 годов, в лице наиболее видного анархиста Европы, товарищи имели перед собой человека, который со страстью защищал одну из враждующих сторон во время войны. Это был Кропоткин. Такова же была позиция Бакунина в 1846–1863 г.г. в славянском вопросе, в 1870–1871 годах — в споре о Франко–Германской войне. Перед анархистами был также пример французских социалистов и передовых республиканцев: Годфруа, Кавеньяк, Барбес, Бланки; итальянцы: Писакане, Гарибальди, Мадзини, теоретический русофоб Маркс. Все они, за исключением Прудона, а также Бакунина, каким он был в короткий период 1864–1870 г.г., — одинаково рассуждали и чувствовали, мыслили и мечтали, были готовы действовать и действовали в восстаниях, революциях и войнах одинаковым образом, прибегая то к тем, то к другим приемам борьбы, смотря по обстоятельствам.

Откуда же, могу я спросить, могло бы явиться настроение против войны, раз величайшие войны прошлого века считались священными для революционной совести, как войны освободительные или как оборонительные войны против наступления реакции или в защиту национальной независимости?

- 30 -

Он обожествлял Францию, которая всегда была для него французской Революцией, идущей вперед с развернутым флагом и распространяющей свободу по всему миру.

Таким образом, в эпоху 1877–1914 годов, в лице наиболее видного анархиста Европы, товарищи имели перед собой человека, который со страстью защищал одну из враждующих сторон во время войны. Это был Кропоткин. Такова же была позиция Бакунина в 1846–1863 г.г. в славянском вопросе, в 1870–1871 годах — в споре о Франко–Германской войне. Перед анархистами был также пример французских социалистов и передовых республиканцев: Годфруа, Кавеньяк, Барбес, Бланки; итальянцы: Писакане, Гарибальди, Мадзини, теоретический русофоб Маркс. Все они, за исключением Прудона, а также Бакунина, каким он был в короткий период 1864–1870 г.г., — одинаково рассуждали и чувствовали, мыслили и мечтали, были готовы действовать и действовали в восстаниях, революциях и войнах одинаковым образом, прибегая то к тем, то к другим приемам борьбы, смотря по обстоятельствам.

Откуда же, могу я спросить, могло бы явиться настроение против войны, раз величайшие войны прошлого века считались священными для революционной совести, как войны освободительные или как оборонительные войны против наступления реакции или в защиту национальной независимости?

- 30 -

ЧТО ДОЛЖНЫ ДЕЛАТЬ АНАРХИСТЫ В СЛУЧАЕ ВОЙНЫ

- 19 -

ЧТО ДОЛЖНЫ ДЕЛАТЬ АНАРХИСТЫ В СЛУЧАЕ ВОЙНЫ

- 19 -

Ответ на этот вопрос очень прост: так как война является одним из самых антисоциальных, антианархических действий людей, то анархисты должны предупреждать войну, препятствовать ее возникновению и бороться с ней. Они не могут принять участия в ней, как анархисты, ни под каким условием. Если личные чувства и обстоятельства побуждают или принуждают их принять участие в войне, то в последнем случае, уступая принудительной силе, они все же могут, путем молчаливой обструкции и других таких же видов сопротивления, действовать в качестве противников войны, какими они остаются в душе. В первом случае, однако, если анархистами овладевает какое-нибудь националистическое или патриотическое чувство, или же если какие-нибудь интересы заставляют их желать того или другого исхода войны, то в таком случае их прямой обязанностью является тотчас же безмолвно покинуть ряды анархистов и не подавать дальнейших признаков жизни среди товарищей.

Анархистами являются те, в ком анархические взгляды определяют поведение и оказывают влияние на душевные настроения. Если в каком-нибудь данном случае верх одерживают другие чувства, — национализм, патриотизм, предубеждение, — то такие анархисты являются для указанного времени националистами, патриотами, заинтересованными шовинистами, а их анархизм отступает на второй план. Если они

- 20 -

Ответ на этот вопрос очень прост: так как война является одним из самых антисоциальных, антианархических действий людей, то анархисты должны предупреждать войну, препятствовать ее возникновению и бороться с ней. Они не могут принять участия в ней, как анархисты, ни под каким условием. Если личные чувства и обстоятельства побуждают или принуждают их принять участие в войне, то в последнем случае, уступая принудительной силе, они все же могут, путем молчаливой обструкции и других таких же видов сопротивления, действовать в качестве противников войны, какими они остаются в душе. В первом случае, однако, если анархистами овладевает какое-нибудь националистическое или патриотическое чувство, или же если какие-нибудь интересы заставляют их желать того или другого исхода войны, то в таком случае их прямой обязанностью является тотчас же безмолвно покинуть ряды анархистов и не подавать дальнейших признаков жизни среди товарищей.

Анархистами являются те, в ком анархические взгляды определяют поведение и оказывают влияние на душевные настроения. Если в каком-нибудь данном случае верх одерживают другие чувства, — национализм, патриотизм, предубеждение, — то такие анархисты являются для указанного времени националистами, патриотами, заинтересованными шовинистами, а их анархизм отступает на второй план. Если они

- 20 -

Николаем Жуковским (русским эмигрантом в Женеве) и Элизе Реклю, который был патриотом в 1870–1871 годах, — было, таким образом, выступлением против восточной войны. Кропоткин в его статье в Юрском «Бюллетене» 1877 года такой позиции еще не занял. В период 1879–1882 годов, когда он издавал в Женеве «Ле Револьте», и позднее, когда он вышел из тюрьмы и снова стал писать в этой и других газетах и в лондонской «Фридом», в 1886–1914 г.г., он продолжал делать то, что все делали раньше: в момент возникновения войны он становился на одну сторону против другой страны, считая, одну представительницей прогресса и освобождения, а другую — представительницей реакции и порабощения. Прогрессивной стороне он желал всякого добра, так как в его расчет входило, быть может, намерение воздержаться в тех случаях, когда не было бы возможности установить, какая именно сторона является прогрессивной; Он с восторгом поддержал бы всякое действие против Турции, Германии, Испании, Японии, Англии, которых он не любил, и стал бы на сторону России (во время войны с Японией), со славянскими национальностями (против Турции), с Францией 1914 г. Для него все это было личным делом, связанным с каждым фибром его мозга, с каждым нервом его. Он ненавидел Турцию и Германию, считая Англию более опасной. Во время Южно-Африканской войны он очень определенно высказал свое мнение по этому вопросу в печати.

- 29 -

Николаем Жуковским (русским эмигрантом в Женеве) и Элизе Реклю, который был патриотом в 1870–1871 годах, — было, таким образом, выступлением против восточной войны. Кропоткин в его статье в Юрском «Бюллетене» 1877 года такой позиции еще не занял. В период 1879–1882 годов, когда он издавал в Женеве «Ле Револьте», и позднее, когда он вышел из тюрьмы и снова стал писать в этой и других газетах и в лондонской «Фридом», в 1886–1914 г.г., он продолжал делать то, что все делали раньше: в момент возникновения войны он становился на одну сторону против другой страны, считая, одну представительницей прогресса и освобождения, а другую — представительницей реакции и порабощения. Прогрессивной стороне он желал всякого добра, так как в его расчет входило, быть может, намерение воздержаться в тех случаях, когда не было бы возможности установить, какая именно сторона является прогрессивной; Он с восторгом поддержал бы всякое действие против Турции, Германии, Испании, Японии, Англии, которых он не любил, и стал бы на сторону России (во время войны с Японией), со славянскими национальностями (против Турции), с Францией 1914 г. Для него все это было личным делом, связанным с каждым фибром его мозга, с каждым нервом его. Он ненавидел Турцию и Германию, считая Англию более опасной. Во время Южно-Африканской войны он очень определенно высказал свое мнение по этому вопросу в печати.

- 29 -

остаются неразрушенными, — могут обеспечить мир.

Однако в 1867–1868 годах перед Европой стоял ряд национальных проблем, которые могли бы быть разрешены только войной. Таковы были вопросы об объединении Италии, о требовании Францией вознаграждения за невмешательство в национальную реконструкцию Германии и Италии в 1866 году, о таких же требованиях России, подлежавших удовлетворению за счет Турции, а может быть и за счет Австро–Венгрии, а также о национальных требованиях нерусских славян. Все это привело к войнам в период 1870–1914 годов. Уже первая из этих войн, Франко–Германская война 1870–1871 годов, застала Бакунина, Маркса и всех социалистов на своих позициях, и все были против Германии.

Итальянская война против папы и захват Рима были одобрены всеми итальянскими социалистами. Восстания в Боснии, сербская война, русско–турецкая война были одобрены русскими социалистами — Кропоткиным, Степняком–Кравчинским и другими, в то время как Маркс стоял за Турцию. Лишь очень немногие анархисты на Бернском Конгрессе объявили себя и против России, и против Турции, и отказались считать эту войну освободительной войной. Это первое и памятное воздержание анархистов во время большой войны, обоснованное в манифесте, написанном Перроном (Женева), Джемсом Гильомом (Невшатель), Кафиеро (Италия),

- 28 -

остаются неразрушенными, — могут обеспечить мир.

Однако в 1867–1868 годах перед Европой стоял ряд национальных проблем, которые могли бы быть разрешены только войной. Таковы были вопросы об объединении Италии, о требовании Францией вознаграждения за невмешательство в национальную реконструкцию Германии и Италии в 1866 году, о таких же требованиях России, подлежавших удовлетворению за счет Турции, а может быть и за счет Австро–Венгрии, а также о национальных требованиях нерусских славян. Все это привело к войнам в период 1870–1914 годов. Уже первая из этих войн, Франко–Германская война 1870–1871 годов, застала Бакунина, Маркса и всех социалистов на своих позициях, и все были против Германии.

Итальянская война против папы и захват Рима были одобрены всеми итальянскими социалистами. Восстания в Боснии, сербская война, русско–турецкая война были одобрены русскими социалистами — Кропоткиным, Степняком–Кравчинским и другими, в то время как Маркс стоял за Турцию. Лишь очень немногие анархисты на Бернском Конгрессе объявили себя и против России, и против Турции, и отказались считать эту войну освободительной войной. Это первое и памятное воздержание анархистов во время большой войны, обоснованное в манифесте, написанном Перроном (Женева), Джемсом Гильомом (Невшатель), Кафиеро (Италия),

- 28 -

этого не понимают и пытаются, с помощью резонерства и силлогизмов, доказать самим себе и товарищам, что их два убеждения совместимы, что они остаются столь же добрыми анархистами, как и добрыми патриотами, то они становятся прямыми врагами нашего дела, ибо фальсифицируют и разлагают наши идеи, и превращают их в совершенно противоположное дело. Каждый свободен действовать согласно тем чувствам, какие в нем преобладают в данное время, но если он пускается теоретизировать о своих личных шатаниях и если, чувствуя себя вынужденным так поступать, он заставляет своих товарищей, путем убеждающей аргументации или страстных речей, следовать за ним, тогда он действует, как враг нашего дела.

Я думаю, что несколько возможностей, обсуждающихся здесь, касаются всех относящихся сюда вопросов. Не может быть никакого теоретического оправдания анархистов, принимающих участие в войне. Слабые, несовершенные, очень дифференцированные человеческие существа, находящиеся во власти неанархических чувств, поступают иначе в силу своей слабости и в таком случае двери широко открыты перед ними. Если они уважают анархизм, который, быть может, остается дорог им, как идеал, который они бессильны осуществлять во всей его полноте, то они уйдут, не сказавши ни слова. Действуя иначе, они причиняют большой

- 21 -

этого не понимают и пытаются, с помощью резонерства и силлогизмов, доказать самим себе и товарищам, что их два убеждения совместимы, что они остаются столь же добрыми анархистами, как и добрыми патриотами, то они становятся прямыми врагами нашего дела, ибо фальсифицируют и разлагают наши идеи, и превращают их в совершенно противоположное дело. Каждый свободен действовать согласно тем чувствам, какие в нем преобладают в данное время, но если он пускается теоретизировать о своих личных шатаниях и если, чувствуя себя вынужденным так поступать, он заставляет своих товарищей, путем убеждающей аргументации или страстных речей, следовать за ним, тогда он действует, как враг нашего дела.

Я думаю, что несколько возможностей, обсуждающихся здесь, касаются всех относящихся сюда вопросов. Не может быть никакого теоретического оправдания анархистов, принимающих участие в войне. Слабые, несовершенные, очень дифференцированные человеческие существа, находящиеся во власти неанархических чувств, поступают иначе в силу своей слабости и в таком случае двери широко открыты перед ними. Если они уважают анархизм, который, быть может, остается дорог им, как идеал, который они бессильны осуществлять во всей его полноте, то они уйдут, не сказавши ни слова. Действуя иначе, они причиняют большой

- 21 -

ущерб делу, и это должно быть открыто им сказано.

Эти выводы могут быть сделаны, я думаю, из очень горького опыта, который дан был анархистам всех стран великой войною 1914–1918 г.г. и последовавшими за нею событиями. До войны этим капитальным вопросом занимались очень мало. Я мог бы даже сказать, что его считали пустяковым вопросом и анархисты, и социалисты, и все передовые социальные группы на протяжении почти 150 лет. Я приведу краткий обзор этого периода, чтобы объяснить, что именно я хочу сказать.

Войны, начиная с XVI столетия, вызывались, главным образом, соперничеством династий, жадной завоеваний и торговыми интересами. Войны становились особенно жестокими, когда эти факторы сочетались с религиозными вопросами, с борьбой католиков и протестантов. Когда турецкие набеги на центральную Европу, разбойничьи действия мавров на Средиземном море и т.д. создавали необходимость в организации сопротивления им, то это были войны, имевшие целью помешать разрушению городов и обращению их жителей в рабство. Очень немногие войны были войнами освободительными, как война Нидерландов против Испании, война английских республиканцев против королей династии Стюартов и т.д. Иногда сопротивление маленького народа против большой державы привлекало к

- 22 -

ущерб делу, и это должно быть открыто им сказано.

Эти выводы могут быть сделаны, я думаю, из очень горького опыта, который дан был анархистам всех стран великой войною 1914–1918 г.г. и последовавшими за нею событиями. До войны этим капитальным вопросом занимались очень мало. Я мог бы даже сказать, что его считали пустяковым вопросом и анархисты, и социалисты, и все передовые социальные группы на протяжении почти 150 лет. Я приведу краткий обзор этого периода, чтобы объяснить, что именно я хочу сказать.

Войны, начиная с XVI столетия, вызывались, главным образом, соперничеством династий, жадной завоеваний и торговыми интересами. Войны становились особенно жестокими, когда эти факторы сочетались с религиозными вопросами, с борьбой католиков и протестантов. Когда турецкие набеги на центральную Европу, разбойничьи действия мавров на Средиземном море и т.д. создавали необходимость в организации сопротивления им, то это были войны, имевшие целью помешать разрушению городов и обращению их жителей в рабство. Очень немногие войны были войнами освободительными, как война Нидерландов против Испании, война английских республиканцев против королей династии Стюартов и т.д. Иногда сопротивление маленького народа против большой державы привлекало к

- 22 -

возрастающего, ведущего к новому взрыву вражды и зависти и к новым войнам. Так именно и возникли войны 60-х годов (1870–1871), а равно и войны периода 1914–1918 г.г., и так будут возникать все войны, ожидающие нас впереди. Прудон только видел одно правильное решение: федерализм, как понимал его также и его великий современник П.Маргал. Он высказал свои мысли в своих знаменитых статьях 1859–1863 годов, но был подвергнут моральному линчеванию, в котором приняли участие патриотические социалисты и республиканцы того времени, после чего он был силою удален из Брюсселя городской чернью.

Единственный выдающийся социалист, серьезно отнесшийся к идее федерации, был Бакунин, который с головой ушел в националистические заговоры и агитацию в 1862–1863 годах. Однако, он, в конце концов, увидел, благодаря польскому опыту, тщетность всего этого. Начиная с 1864 года, он противодействовал национализму Мадзини в Италии и изложил принципы федерализма на Женевском Конгрессе в сентябре 1867 г. и на собраниях Лиги Мира и Свободы в 1867–1868. Аргументы и предложения Прудона и Бакунина до сих пор остаются наиболее серьезными, хотя и мало обращающими на себя внимания, выступлениями социалистов против войны. Оба они признавали, что государства означают войну и что только федерация государственных единиц — пока государства

- 27 -

возрастающего, ведущего к новому взрыву вражды и зависти и к новым войнам. Так именно и возникли войны 60-х годов (1870–1871), а равно и войны периода 1914–1918 г.г., и так будут возникать все войны, ожидающие нас впереди. Прудон только видел одно правильное решение: федерализм, как понимал его также и его великий современник П.Маргал. Он высказал свои мысли в своих знаменитых статьях 1859–1863 годов, но был подвергнут моральному линчеванию, в котором приняли участие патриотические социалисты и республиканцы того времени, после чего он был силою удален из Брюсселя городской чернью.

Единственный выдающийся социалист, серьезно отнесшийся к идее федерации, был Бакунин, который с головой ушел в националистические заговоры и агитацию в 1862–1863 годах. Однако, он, в конце концов, увидел, благодаря польскому опыту, тщетность всего этого. Начиная с 1864 года, он противодействовал национализму Мадзини в Италии и изложил принципы федерализма на Женевском Конгрессе в сентябре 1867 г. и на собраниях Лиги Мира и Свободы в 1867–1868. Аргументы и предложения Прудона и Бакунина до сих пор остаются наиболее серьезными, хотя и мало обращающими на себя внимания, выступлениями социалистов против войны. Оба они признавали, что государства означают войну и что только федерация государственных единиц — пока государства

- 27 -

вопросы с еще большей силой, когда Крымская война нарушила неподвижность больших европейских государств, длившуюся с 1815 года. После этого итальянский, германский, польский, датский и другие вопросы поставлены были на очередь с новой силой. Опять восстания и войны стали возникать в тесной связи между собою, но руководились они только национальными интересами. Затем Мадзини, Гарибальди, Пьемонтский министр граф Кавур и король Виктор Эммануил, Наполеон III и Бисмарк, польские заговорщики и Бакунин 1862–1863 годов (в Лондоне, Париже и Стокгольме), французские республиканцы и немецкие национал-либералы, основатели Интернационала 1864 г. и Маркс, который так горячо желал европейской войны против России, — все эти действия, короли, руководящие дипломаты и революционные социалисты работали для войны и готовили или содействовали подготовке восстаний. Разумеется, их деятельность была связана с их дальнейшими планами: государственные люди надеялись завоевать власть и преобладание, каждый в своем государстве, революционеры работали для социальной революции, а националисты мечтали о возрождении и славе своих наций.

Во всем цивилизованном мире один только Прудон ясно видел, что ни один вопрос не может быть разрешен путем войны и неравенства, возникающего из войны, — неравенства

- 26 -

вопросы с еще большей силой, когда Крымская война нарушила неподвижность больших европейских государств, длившуюся с 1815 года. После этого итальянский, германский, польский, датский и другие вопросы поставлены были на очередь с новой силой. Опять восстания и войны стали возникать в тесной связи между собою, но руководились они только национальными интересами. Затем Мадзини, Гарибальди, Пьемонтский министр граф Кавур и король Виктор Эммануил, Наполеон III и Бисмарк, польские заговорщики и Бакунин 1862–1863 годов (в Лондоне, Париже и Стокгольме), французские республиканцы и немецкие национал-либералы, основатели Интернационала 1864 г. и Маркс, который так горячо желал европейской войны против России, — все эти действия, короли, руководящие дипломаты и революционные социалисты работали для войны и готовили или содействовали подготовке восстаний. Разумеется, их деятельность была связана с их дальнейшими планами: государственные люди надеялись завоевать власть и преобладание, каждый в своем государстве, революционеры работали для социальной революции, а националисты мечтали о возрождении и славе своих наций.

Во всем цивилизованном мире один только Прудон ясно видел, что ни один вопрос не может быть разрешен путем войны и неравенства, возникающего из войны, — неравенства

- 26 -

нему симпатии, как, например, в эпоху средних веков, борьба швейцарских кантонов против германской империи, против Карла Бургундского, или в XVI веке война маленькой Пруссии времен Фридриха II против объединившихся Австрии, Франции и России. Все это заставляло общественное мнение этих стран различать между своекорыстными захватчиками, свирепыми войнами королей и министров, и войнами, связанными с каким-нибудь более или менее достойным делом, имевшим целью независимость маленькой страны, религиозную свободу, защиту против восточного рабства и т.д.

Позднейший тип войны возник перед лицом всего либерального мира в форме американской войны за независимость и первых войн французской революции, ведшихся ею для самозащиты. Однако когда эти оборонительные войны выродились в войны захватнические и завоевательные, когда Наполеон предпринял покорение всей Европы, тогда стало не менее справедливым делом сопротивляться ему и наносить ему поражения. В этом деле объединилась вся Европа: Испания и Англия, Германия и Австрия, Россия и Швеция. Таким образом, в течение всего периода от 1776 года вплоть до 1815 года, до битвы при Ватерлоо, все радикальное общественное мнение страстно поддерживало дело народов, сопротивляющихся тиранам с помощью войны. Первые требования прочного мира заявлены были американскими

- 23 -

нему симпатии, как, например, в эпоху средних веков, борьба швейцарских кантонов против германской империи, против Карла Бургундского, или в XVI веке война маленькой Пруссии времен Фридриха II против объединившихся Австрии, Франции и России. Все это заставляло общественное мнение этих стран различать между своекорыстными захватчиками, свирепыми войнами королей и министров, и войнами, связанными с каким-нибудь более или менее достойным делом, имевшим целью независимость маленькой страны, религиозную свободу, защиту против восточного рабства и т.д.

Позднейший тип войны возник перед лицом всего либерального мира в форме американской войны за независимость и первых войн французской революции, ведшихся ею для самозащиты. Однако когда эти оборонительные войны выродились в войны захватнические и завоевательные, когда Наполеон предпринял покорение всей Европы, тогда стало не менее справедливым делом сопротивляться ему и наносить ему поражения. В этом деле объединилась вся Европа: Испания и Англия, Германия и Австрия, Россия и Швеция. Таким образом, в течение всего периода от 1776 года вплоть до 1815 года, до битвы при Ватерлоо, все радикальное общественное мнение страстно поддерживало дело народов, сопротивляющихся тиранам с помощью войны. Первые требования прочного мира заявлены были американскими

- 23 -

обществами мира, причем эти общества исходили исключительно из религиозных побуждений и оставались на этой почве до 50-х годов прошлого века.

В Европе не было династических войн с 1815 года до Крымской войны, в течение 40 лет, но так как реконструкция Европы в 1814–1815 годах (Венский Конгресс) произведена была чрезвычайно односторонним путем, в согласии с интересами великих держав и их требованиями о восстановлении территориального порядка, существовавшего до 1779 года, то повсюду было огромное недовольство. Различные нации, обманутые в своих надеждах и не добившиеся конституционного устройства, вновь попали под ярмо абсолютизма. Эти нации решили добиться своего освобождения или путем восстания и революции, или, если возможно, путем иностранного вмешательства, или путем союзов, ведущим к местным или общим освободительным войнам. Революция и война были, таким образом, неразрывно связаны с передовой мыслью почти всех групп. Большинство социалистов первой половины XIX века лично разделяли эти взгляды и были готовы сражаться в освободительной войне так же, как готовы были сражаться на революционных баррикадах. Интернационализм понимался, как международная солидарность с нациями, восставшими во имя своего освобождения. Мадзини был типичной фигурой того периода, в одной руке он держал нити

- 24 -

обществами мира, причем эти общества исходили исключительно из религиозных побуждений и оставались на этой почве до 50-х годов прошлого века.

В Европе не было династических войн с 1815 года до Крымской войны, в течение 40 лет, но так как реконструкция Европы в 1814–1815 годах (Венский Конгресс) произведена была чрезвычайно односторонним путем, в согласии с интересами великих держав и их требованиями о восстановлении территориального порядка, существовавшего до 1779 года, то повсюду было огромное недовольство. Различные нации, обманутые в своих надеждах и не добившиеся конституционного устройства, вновь попали под ярмо абсолютизма. Эти нации решили добиться своего освобождения или путем восстания и революции, или, если возможно, путем иностранного вмешательства, или путем союзов, ведущим к местным или общим освободительным войнам. Революция и война были, таким образом, неразрывно связаны с передовой мыслью почти всех групп. Большинство социалистов первой половины XIX века лично разделяли эти взгляды и были готовы сражаться в освободительной войне так же, как готовы были сражаться на революционных баррикадах. Интернационализм понимался, как международная солидарность с нациями, восставшими во имя своего освобождения. Мадзини был типичной фигурой того периода, в одной руке он держал нити

- 24 -

множества народных восстаний, а в другой — связи с несколькими правительствами и старался побудить их к такой политике, которая привела бы к войне с угнетателями Италии. Оба метода в равной степени отвечали его целям. Он надеялся, разумеется, что будет в состоянии пользоваться обоими методами таким способом, который был бы наиболее благоприятен для осуществления его политических, национальных, социальных и религиозных идеалов. Слова «Коммунистического Манифеста», что у рабочих нет отечества и что пролетарии всех стран должны объединяться, чрезвычайно одиноко звучали в 1848 году. Только Прудон сохранял хладнокровие, но и люди, подобные Бакунину, очертя голову, бросились в национализм, и войны за национальное освобождение повсюду встречали поддержку социалистов.

1848–1849 годы, — годы удивительного пробуждения европейских народов, — увидели, таким образом, дробление народных усилий, желаний и интересов в направлениях политическом (республиканцы), национальном (национальная независимость) и социальном (социалистическом, пролетарском). Это великое дробление сил дало возможность реакционным силам победить эти расколовшиеся силы одну за другой и даже направить их одну против другой и, таким образом, парализовать их. В результате ни один вопрос не был разрешен, и все погрузилось в годы крайней реакции. Вновь появились эти

- 25 -

множества народных восстаний, а в другой — связи с несколькими правительствами и старался побудить их к такой политике, которая привела бы к войне с угнетателями Италии. Оба метода в равной степени отвечали его целям. Он надеялся, разумеется, что будет в состоянии пользоваться обоими методами таким способом, который был бы наиболее благоприятен для осуществления его политических, национальных, социальных и религиозных идеалов. Слова «Коммунистического Манифеста», что у рабочих нет отечества и что пролетарии всех стран должны объединяться, чрезвычайно одиноко звучали в 1848 году. Только Прудон сохранял хладнокровие, но и люди, подобные Бакунину, очертя голову, бросились в национализм, и войны за национальное освобождение повсюду встречали поддержку социалистов.

1848–1849 годы, — годы удивительного пробуждения европейских народов, — увидели, таким образом, дробление народных усилий, желаний и интересов в направлениях политическом (республиканцы), национальном (национальная независимость) и социальном (социалистическом, пролетарском). Это великое дробление сил дало возможность реакционным силам победить эти расколовшиеся силы одну за другой и даже направить их одну против другой и, таким образом, парализовать их. В результате ни один вопрос не был разрешен, и все погрузилось в годы крайней реакции. Вновь появились эти

- 25 -